

Офицерский
Честь и имя
роман

*Станислав
Вторушин*

Посланец

Офицерский роман. Честь имею

Станислав Вторушин
Посланец (сборник)

«ВЕЧЕ»

2018

Вторушин С. В.

Посланец (сборник) / С. В. Вторушин — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Офицерский роман. Честь имею)

ISBN 978-5-4484-7573-3

В книгу известного сибирского писателя Станислава Вторушина вошли два его новых произведения: остросюжетный роман «Посланец», в котором рассказывается о том, как вернувшиеся из горячей точки бойцы разведывательно-диверсионной группы во главе с бывшим командиром попытались своими методами навести в родном городе поправленные бандой уголовников порядок и справедливость, а также повесть «Переправа» – об операции фронтовых разведчиков, позволившей начать успешное наступление на одном из участков советско-германского фронта во время Великой Отечественной войны.

ISBN 978-5-4484-7573-3

© Вторушин С. В., 2018
© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Посланец	6
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Станислав Вторушин

Посланец (сборник)

Знак информационной продукции 12+

© Вторушин С. В., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Посланец

*А у него желание есть,
Оно понятно вам?
Он хочет знать, что было здесь,
Когда мы были там.*

Семен Гудзенко

1

Диверсионно-разведывательную группу Беспалова не любили в части ни начальство, ни рядовые сослуживцы. И те и другие за одно и то же: группа никому не подчинялась и жила как бы сама по себе. Вот и сейчас Беспалов принял решение, не согласовав его с начальством. Наказания он не боялся, считая, что мертвого судить не будут, а если останется в живых, к награде тоже не представят. Впрочем, о наградах он думал меньше всего.

Лежа в засаде, он целый день следил за перевалом, на котором могли появиться боевики. В самом низу узкой, как ущелье, долины ютилось маленькое чеченское село с одной кривой улочкой и прилепившимися к скалам, построенными из подручного камня домами. На альпийских лугах нависающей над долиной горы старый чеченец с мальчиком лет десяти пасли отару овец. Беспалов наблюдал за ними уже несколько дней и ни разу не видел, чтобы они спускались вниз.

Перед заходом солнца пастухи сгоняли овец к скале, разжигали костер, на котором варили еду, а потом ложились спать прямо у огня на свои черные старенькие бурки. Беспалов вместе с группой незаметно пробирался на наблюдательный пункт, оборудованный на самой вершине, но его всегда не покидало ощущение, что старик чувствует их присутствие. В бинокль хорошо было видно, как он поворачивает голову в их сторону, прищурившись, смотрит на скалу, у которой спрятались наблюдатели, и только после этого заворачивается в свою бурку и ложится спать. Две пастушеские собаки тут же отходили от костра и ложились у отары, прижимая ее к скале и не давая овцам разбрестись по склону.

В тот вечер все было так же, как много раз перед этим. Старик с мальчиком подогнали отару к скале и занялись костром. И в это время Беспалов увидел, как из леса показался подросток и торопливо направился к пастухам. До них было не меньше километра, и он так спешил, что иногда переходил на бег. Не приходилось сомневаться, что он нес важную новость. Сержант Глебов и рядовой Шугаев, находившиеся с Беспаловым в дозоре, напряглись и стали внимательно смотреть на опушку, ожидая появления оттуда боевиков. Но подросток уже приближался к пастухам, а из леса никто не появлялся. Старик давно заметил мальчишку и молчаливо ждал его, обхватив ладонями посох и упершись в него подбородком. Мальчишка заговорил сразу, при этом начал горячо жестикулировать, то и дело показывая рукой на селение. Старик распрямился и стал озираться вокруг, потом замер, глядя на скалу, у которой прятался дозор. Несколько мгновений он постоял на месте, затем что-то сказал мальчишкам и, опираясь на посох, неторопливо направился прямо к скале.

Главный принцип разведчика – ты видишь всех, тебя не видит никто. Но сейчас Беспалов понял, что старик с самого начала знал о их существовании и теперь идет к ним. Глебов и Шугаев, удобно сидевшие за кустами барбариса, положили автоматы на колени и настороженно посмотрели на командира. Беспалов поднял ладонь, показывая, что все видит и ситуа-

ция находится под контролем. Когда старик приблизился, Беспалов вышел из-за кустов. Старик остановился и, переводя дыхание, уперся посохом в грудь. Потом распрямился, сложил ладони лодочкой, поклонился и произнес:

– Салам алейкум.

– Здравствуйте, – ответил Беспалов, внимательно разглядывая старика.

Он был высоким, с худым узким лицом, потемневшим от горного солнца. Из-под старенькой шляпы с отвисшими полями выбивались темные волосы с редкими блестками седины. Это удивило Беспалова. Пастух выглядел очень старым, а волосы еще не покрылись аксакальным серебром. Старик тоже внимательно рассматривал Беспалова.

– Чем могу служить? – спросил Беспалов.

Он уже понял, что только очень острая нужда заставила старика подняться на вершину. Мирные чеченцы стараются избегать контактов с русскими солдатами.

– За помощью пришел, – произнес старик, тяжело опустив голову. – Внучка умирает.

– А чем я могу помочь? – удивленно пожал плечами Беспалов. – Я же не врач.

– У ваших есть врач, – сказал старик. – А у нас нету. До больницы не довезем. Проехать нельзя.

– Сколько лет внучке? – Беспалов начал торопливо соображать, как выйти из создавшейся ситуации.

Отказать нельзя, это будет не только не по-человечески, но и бросит лишнюю тень на русского солдата. Оставить свой пост он тоже не имеет права. И вдруг его обожгла простая мысль. А не ловушка ли это? Старик заметил их дозор, теперь заманит в селение, где уже ждут боевики, может быть, даже его сыновья, и прощай жизнь. Чеченский плен во много раз хуже смерти. А после того, как снимут дозор, боевики беспрепятственно пройдут к части и начнут расстреливать наших солдат. Он посмотрел в глаза старику, словно пытаясь прочесть в них ответ на свой вопрос.

– Восемь лет внучке, – сказал старик. – Жар у нее, сильный жар. И дышать не может. Внук прибежал, сказал, что умирает.

На лицо старика легла тень, оно стало еще чернее.

– Лечить не пробовали? – спросил Беспалов.

– Нечем лечить. – Лицо старика потемнело окончательно. – Давно нечем. Лекарств у нас нету. И врача тоже нету. Ты же видишь, война кругом.

– Я-то вижу, – сказал Беспалов. – Я к вам приду, а мне там приставят автомат к затылку.

– О чем говоришь? – взволнованно ответил старик. – В нашем селении чужих нету. В моем доме ты будешь лучший гость.

– Да я же не врач, – сказал Беспалов. – За врачом надо в часть идти.

– Знаю, что не врач. Но у тебя же есть лекарства. Вы без них в горы не ходите.

– Лекарства есть. – У Беспалова сразу отлегло от сердца. – Я тебе дам. Мальчишки отнесут внучке.

– Мальчишки бестолковые, – сказал старик. – Я тоже бестолковый.

– Я тебе дам те лекарства, какие надо.

– А откуда ты знаешь, какие надо, если не видел девочку?

– Как тебя звать? – спросил Беспалов.

– Зелимхан, – ответил старик.

– Послушай, Зелимхан, – Беспалов посмотрел туда, где паслась отара. – Я уйду к тебе в селение, а в это время сюда придут боевики.

– Не придут, – твердо ответил Зелимхан. – И завтра тоже не придут.

– Откуда ты знаешь?

– Я все знаю, – сказал старик. – Ты посмотри девочку. Дай лекарства. А завтра пришли своего врача. К вам ее везти нельзя. Умрет по дороге.

Старик опустил голову и ссутулился, его глаза повлажнели. Было видно, что он говорит правду.

Беспалову давно хотелось завязать контакт с жителями селения. От них можно узнать гораздо больше, чем со своего наблюдательного пункта, даже если он оборудован в самом лучшем месте. После ошеломляющего успеха банды Басаева, захватившего в Буденовске больницу с полутора тысячами заложников и унижительного заискивания перед ним российского премьера Черномырдина, многие молодые чеченцы подались в отряды боевиков. У них появилась возможность прославиться и хорошо заработать. За каждое громкое нападение на русских им стали платить немалые деньги. Но не все чеченцы одобряли это. Население страдало от войны, молодежь, подавшаяся в боевики, гибла, многие становились калеками. Война разрушала дома, уничтожалажитое годами.

– Кто кроме тебя знает, что мы находимся на этой горе? – спросил Беспалов.

– Никто, – ответил старик. – Я об этом никому не говорил.

– Теперь все узнают. – Беспалов вздохнул.

– Не узнают, – старик посмотрел на Беспалова твердым взглядом. – Мальчишки тоже не скажут.

Беспалов мучительно соображал, как ему поступить в данной ситуации. Старик ждал, не отводя напряженного взгляда. И когда напряжение стало невыносимым, Беспалов, повернувшись к кустам, отрывисто бросил:

– Глебов!

Кусты барбариса зашевелились, над ними показалась голова сержанта. Глебов слышал весь разговор и понял, что командир собрался уходить. Он не одобрял этого, но знал, что Беспалов теперь уже не изменит своего решения.

– Останешься за меня, – сказал Беспалов. – Я посмотрю, что там, и тут же вернусь. Докладывать наверх будешь по ситуации.

– Командир, возьмите Шугаева, – не сказал, а попросил Глебов. – В ауле может быть все, что угодно.

– Пойду один, – ответил Беспалов и повернулся к старику.

– Не бойся, – сказал старик и снова повторил: – В нашем ауле чужих нету.

Пока спускались вниз, Беспалов разговорился с Зелимханом. У него была большая семья – двое сыновей и четверо дочерей. Но в селении остались только две дочери. Один из сыновей жил в Ростове, две дочери – в Грозном, о втором сыне Зелимхан не сказал ничего. И Беспалов подумал, что он, скорее всего, ушел к боевикам. Страх Беспалов не чувствовал, он верил старику. Если бы Зелимхан дружил с боевиками, они бы уже давно сняли наш наблюдательный пункт. Старик рассказал бы им о нем. В ауле почти все родственники и не может быть, чтобы никто из молодых не был связан с бандитами.

Дом Зелимхана – каменный, приземистый, с плоской крышей – стоял на самом краю селения. Его окружал высокий каменный забор. Старик открыл калитку, пропустил в нее сначала Беспалова, затем прошел сам. В голове Алексея невольно мелькнула мысль: «Зарежут в этом дворе, и никто никогда не узнает, что ты заходил в него». Двор был пуст.

Старик поднялся на крыльцо, открыл дверь и жестом пригласил Беспалова. Беспалов знал горские обычаи и прежде, чем войти в дом, снял ботинки. На пороге комнаты стояла женщина. Молодая, стройная, черноглазая чеченка, волосы которой были покрыты светлой газовой вуалькой. Она ждала русского врача. Беспалов не стал объяснять ей, что он не врач, и молча прошел в комнату. Там у стола сидела старуха с вязаньем на коленях. Мужчин в доме не было. Молодая чеченка показала рукой на дверь следующей комнаты и тихо сказала:

– Алия там.

Все солдаты разведывательно-диверсионных групп проходят короткие курсы медицинской подготовки. Их учат самому малому: как вывести человека из болевого шока, остановить

кровотечение и перевязать рану, какие лекарства применять, чтобы сбить температуру. Главное – доставить раненого или заболевшего живым до госпиталя. На эти познания и надеялся Беспалов.

Девочка лежала на кровати, закрытая до подбородка одеялом. Сразу было видно, что у нее высокая температура. Ее щеки горели, на лбу выступила испарина, слипшиеся волосы были мокрыми. Беспалов дотронулся до ее раскаленного лба и спросил:

- Давно мерили температуру?
- Полчаса назад, – сказала чеченка. – Сорок один и две десятых.
- Когда у нее это началось?
- Вчера утром. Глотать ничего не может. Даже воду.

Беспалов осторожно дотронулся пальцами до горла у нижней части подбородка. Девочка вздрогнула и открыла глаза.

- Принесите чистую ложку, – попросил Беспалов.

Женщина вышла на кухню и тут же вернулась с ложкой в руках. Беспалов попросил девочку открыть рот и сразу увидел у основания горла два нарыва. Сомнений не было, что у нее тяжелая ангина. Он осторожно содрал кончиком ложки головки гнойников, достал из своей аптечки упаковку аспирина, протянул женщине и сказал:

– Пусть выпьет сейчас две таблетки. Через четыре часа дашь еще. У нее ангина. Сбьете температуру, а завтра везите девочку в больницу.

- Какая больница? – удивилась женщина. – Кто ее туда повезет?

- Отец. Кто же еще? – сказал Беспалов.

– Отца похоронили еще в прошлом году, – отрешенно ответила женщина и опустила глаза.

Алексей не стал спрашивать, отчего тот умер. И так было ясно, что находился в банде и погиб от пуль наших солдат. Эта война казалась ему безумной. Он уже давно понял, что ее ведут ради денег. Чеченцы зарабатывают на ней, захватывая в плен русских и получая за них выкуп, дорвавшиеся до власти российские нувориши отмывают русской и чеченской кровью несправедные деньги. А платить за все приходится уже давно превращенным в пушечное мясо солдатам и простым чеченцам, которым, кроме этой войны, некуда податься.

- Ты хоть знаешь, где он похоронен? – спросил Беспалов.

– Знаю, – все так же отрешенно ответила чеченка. – Я говорила ему: не ходи туда. Он пошел.

- Скажи остальным: пусть возвращаются домой.

– Кто меня послушает? – отрешенно сказала чеченка, и глаза ее наполнились болью. Она посмотрела на дочку и отвернулась.

– Девочку завтра же отвези в больницу, – Беспалов смотрел на чеченку, а перед глазами стояла та, которую он оставил дома. Такая же стройная и красивая, только у Нади волосы были светлые и глаза золотистые, а у чеченки волосы отливали смолью и глаза были темные, как созревшие сливы.

- Как тебя зовут? – спросил Беспалов.

- Надя, – ответила чеченка.

- Не может быть, – удивился Беспалов и почувствовал, как учащенно застучало сердце.

– Почему не может? – чеченка осторожно посмотрела на него своими большими темными глазами.

- Надя – русское имя, – сказал Беспалов.

- Меня по-русски и называли.

- А дочку Алией?

- Так захотел отец.

- Она поправится, – сказал Беспалов. – Но врачу ее показать обязательно надо.

- Нет у нас врача.
- Неужели и раньше не было? – спросил Беспалов.
- Был, но в прошлом году ушел в горы. Не сам. Заставили. Его тоже убили.
- Я в этом не виноват, – сказал Беспалов.
- Врач тоже, – ответила Надя.

Беспалов посмотрел на дверь, потом перевел взгляд на старика. Тот понял и, кивнув головой в сторону дочери, сказал:

- Она тебя проводит.

На улице уже стемнело. Надя сначала выглянула из калитки, потом проскользнула в нее и подождала, когда выйдет Беспалов. Закрыв калитку, она свернула за угол забора, и они сразу оказались в лесу. Луна была на ущербе, над гребнем горы, покачнувшись, появился лишь ее маленький, бледный серпик. Лес казался темным и затаившимся, под ногами не было видно тропинки, но Надя уверенно шла между деревьев, и Беспалов успокоился. Его проводница хорошо знала, куда идет.

- Ты часто ходишь по этому лесу? – спросил Беспалов.
- Почти каждый день, – ответила Надя. – Мы собираем здесь дрова.
- А кем ты работала? – Он сделал паузу и добавил: – До этой войны.
- Учительницей. В начальных классах.
- У вас есть школа? – удивился Беспалов. Селение было маленьким, и ему казалось, что в нем не должно быть никаких государственных учреждений.
- Теперь уже нет, – отозвалась Надя. – Дудаев сказал, что чеченцам не надо учиться в школах.
- Зачем вам эта война?
- А вам? – спросила Надя.
- Мне она не нужна, – ответил Беспалов. – Я считаю ее безумием.
- Почему же тогда ты здесь?
- Я солдат и выполняю то, что приказывает командование.
- А наши дураки хотят стать богатыми. Они думают заработать на этом деньги.
- Кровь не делает человека счастливым, – заметил Беспалов.
- Это правда, – согласилась Надя. – А деньги лишают его последнего разума. – Она вздохнула и спросила: – Когда это кончится?
- Когда боевики сложат оружие и вернутся в свои дома. Когда в вашем селе снова откроется школа и появится свой врач.

Надя не ответила, и несколько минут они шли молча. Наконец впереди появился просвет, и Беспалов понял, что они выходят на опушку. Глаза уже привыкли к темноте, в сумеречном небе он увидел очертания вершины. Под ней вспыхнуло и тут же погасло несколько розовых искр. По всей видимости, мальчишки подкладывали в костер, на котором готовили себе ужин, сухие ветки. Самого костра не было видно из-за густых кустов. Надя остановилась. Беспалов понял, что дальше она не пойдет. Он оглядел в темноте ее фигуру.

Надя была чуть выше среднего роста, стройной и гибкой, затянутой во все черное. Горские женщины любят носить черные одежды, а может, им предписывают это их национальные традиции. Только вуалька на голове была светлой, и от этого казалось, что она подсвечивает лицо. Надя стояла так близко, что Беспалов слышал ее дыхание, ощущал, как поднимается и опускается грудь при каждом вздохе. И от этой близости женщины, до которой можно было дотянуться рукой, у него начала кружиться голова. Он смотрел на молодую чеченку, а перед глазами стояла та, которую он оставил дома и от которой уже так давно не получал писем. Беспалов еле сдерживал себя от почти нечеловеческого желания схватить ее, прижать к себе, впиться губами в горячие губы. Больше всего он боялся потерять в эту минуту контроль над

собой. Ему показалось, что она качнулась в его сторону, он непроизвольно вытянул руки, но Надя произнесла:

– Теперь пойдешь сам, дальше мне идти нельзя.

Беспалов тут же вернулся в реальность и тихо сказал:

– Завтра приди и скажи, как чувствует себя дочка.

– Отец придет, – сказала она.

– Мне было приятно познакомиться с тобой. – Беспалов опустил голову и сделал шаг в сторону.

– Иди, – сказала Надя.

Она быстро повернулась и, скользнув мимо него, исчезла в темноте. Беспалов ощутил около своего лица только легкое дуновение. Он оглянулся, но за деревьями не было видно ни Нади, ни ее светлой вуальки, покрывавшей голову. Не было слышно шороха ее шагов по сухим листьям. Словно этой женщины никогда не было здесь. Постояв несколько мгновений и настороженно прислушиваясь к каждому звуку, Беспалов направился на свой наблюдательный пост, где его ждали товарищи. Он не рискнул идти напрямую, а двинулся сначала краем леса и только потом стал подниматься к вершине.

Тонкий лунный серпик, блеснув в ущелье, спрятался за вершиной, небо усыпали яркие молчаливые звезды, горный воздух наполнился влагой и сделался гулким. Беспалов поймал себя на том, что слышал шорох своих шагов. Он замер и остановился. Горы научили его предельной осторожности. До тех пор, пока он был с Зелимханом и его дочерью, он находился под их защитой. Сейчас Беспалов мог рассчитывать только на самого себя. Он осмотрелся.

Метрах в трехстах слева на одном уровне с ним светился слабый, пляшущий огонек пас-тушечьего костра. Наверху четко вырисовывалась неровная линия горного хребта, за которым даже в темноте белели еще более высокие снежные вершины. Скала, у которой был оборудован наблюдательный пункт, выглядела на ее фоне маленьким бугорком. Беспалов взял немного правее, чтобы выйти в стороне. Во-первых, для того, чтобы не учуяли охраняющие овец собаки, а, во-вторых, чтобы со стороны посмотреть за местом засады и другим склоном горы. Он был уверен, что Глебов с Шугаевым тоже смотрят туда, но когда наблюдаешь за одним и тем же местом с разных точек, видишь больше.

Минут пятнадцать он, не шевелясь, лежал на вершине, и вдруг услышал у самого уха голос, от которого по спине пробежали мурашки:

– Ничего не видите, командир?

Это был старший сержант Глебов. Оказывается, он тоже выдвинулся на вершину и вел наблюдение за склонами горы. Глебов, искусно замаскировавшись, уже давно лежал около Беспалова, но тот до сих пор не смог обнаружить его. Это вызывало у старшего сержанта невольную гордость.

– Ничего, – ответил Беспалов, переведя дыхание.

– А мы изнервничались, пока ждали вас, – сказал Глебов и добавил с облегчением: – Хорошо, что все обошлось. Что там, в чеченской деревне?

– Девочка очень серьезно больна. А у них нет даже аспирина.

– Зато вдоволь «калашниковых» и даже гранатометов.

– Вы же знаете, кто им это оставил.

– Знаю, но нам от этого не легче, – сказал Глебов. – У меня такое ощущение, что не сегодня завтра на этой горе появятся духи.

– Откуда оно у вас? – спросил Беспалов.

– Под ложечкой ныть начало. А это самый верный предсказатель.

– Хорошо здесь, – вздохнул Беспалов. – Звезды совсем рядом. Протяни руку – и дотронуться можно.

– Здесь не только руки, но и ноги протянуть ничего не строит, – угрюмо произнес Глебов.

– Ноги нам протягивать нельзя, – философски заметил Беспалов. – Без ног мы через этот перевал не переберемся.

– А что за этим перевалом? – спросил Глебов.

– Дагестан, – ответил Беспалов. – Никогда не был там, но посмотреть хочется.

Утром, когда солнце еще не поднялось над вершиной горы и не обрушило золотистые стрелы в долину, чтобы сжечь скопившуюся там за ночь тьму, Беспалов заметил, как от края леса отделилась маленькая фигурка и неторопливо направилась вверх по склону. В бинокль он разглядел человека, опирающегося на палку, и понял, что это Зелимхан. Поднявшись к отаре и немного поговорив с мальчишками, он отделил от отары одну овцу и погнал ее к вершине.

– Ну, вот и подарок нам, капитан, – обрадовано сказал Глебов. – Внучка, видать, и вправду на поправку пошла. В обед шашлыки жарить будем.

Беспалов не ответил. Он подождал пока старик подойдет к ним, и вышел из засады. Старик тяжело дышал. Опершись на палку, он несколько мгновений молча смотрел в землю, потом поднял голову и произнес:

– Аллах послал тебя к нам, солдат. Алия сегодня встала и попросила еды. Сейчас спит. Хорошо спит. Проснется, будет здоровая. Возьми овцу. Это тебе от меня.

Беспалов на несколько мгновений даже растерялся, потом сказал:

– Я плату за добрые дела не беру. Добрые дела за деньги не делаются. Но очень рад, что девочке стало лучше.

– Почему не берешь? – старик нахмурился и опустил голову.

И до Беспалова дошло, что этим отказом он не просто обидел, а до глубины души оскорбил старого человека. В горах свои традиции, здесь от подарка отказываться не принято. Это должны знать не только местные, но и те, кто приходит сюда.

– Мне эту овцу пасти негде, а резать жалко, – сказал Беспалов.

Ответ смутил старика, в его глазах светилась искренняя растерянность. Чтобы замять неловкую ситуацию Беспалов, оглядевшись по сторонам, сказал:

– Овцу же привязать надо, иначе убежит.

Старик достал из кармана длинный сыромятный ремешок, подошел к овце, привязал ее за шею и протянул Беспалову:

– Бери. – И тут же, повернувшись к сверкающему вечным снегом горному хребту, шепотом добавил: – Уходи отсюда. Завтра утром к нам придут люди. Много людей. Тебя убьют и твоих солдат тоже.

– Откуда тебе это известно?

– Я тебе сказал. Твое дело решать, – ответил старик.

– Сколько их будет? – спросил Беспалов.

– Думаю, двести. Не меньше.

– И Шейх с ними? – спросил Беспалов.

Старик поднял голову, посмотрел ему в глаза и ничего не ответил. Долго молчал, сомкнув узкие сухие губы, потом тихо сказал:

– Шейха давно в горах нету. Он свои дела сделал и ушел отсюда.

– Куда ушел?

– В Россию. Он теперь там живет.

– А этих кто ведет? – спросил Беспалов.

– Не знаю. Знаю только, что завтра они будут здесь.

– А если мы их не пустим? Откуда они придут?

– С той стороны. – Старик показал на соседний перевал, за которым находился Дагестан. – наших там мало. Почти все чужие.

– Спасибо, – сказал Беспалов. – И за овечку тоже.

Когда старик уже повернулся, чтобы уйти, Беспалов спросил:

– А почему ты мне это сказал?

– Если чужие придут, нам всем уходить надо. Вы вертолеты пришлете, наши дома сгорят. Где нам жить после этого? Не надо чужих пускать к нам.

– А своих?

– Свои – дураки. Мы с ними сами разберемся.

Старик заторопился, ноги его заскользили по склону, но вскоре он выпрямился и зашагал к отаре, где мальчишки уже снова разожгли костер. Беспалов долго смотрел ему вслед, переваривая услышанное, и только потом вспомнил, что держит привязанную на ремешок овцу. Куст барбариса раздвинулся, между веток показалась голова Глебова:

– Ведите овечку сюда, товарищ капитан. Я ее у скалы привяжу.

Глебов не скрывал радости от такого подарка. Но у Беспалова на душе никакой радости не было. Двести вооруженных, хорошо обученных боевиков – большая сила. Горы для них – родной дом. Они выросли здесь, знают каждый камень, каждую невидимую для простого глаза тропинку. Беспалов оглянулся, пытаясь отгадать точку, к которой выйдут на перевал боевики, и опустил глаза. Перевал был длинным, хорошо подготовленному человеку не представляло труда перейти его где угодно. Беспалов завел овечку в кусты, передал поводок Глебову и тут же по рации связался с начальником полковой разведки.

– У меня завтра будут гости, – сказал он. – Надо бы хороший обед приготовить, а продуктов на всех не хватит.

– Кто тебе сказал о гостях?

– По инстанции доложили. Вы разве не знаете об этом?

Несколько мгновений полковая разведка молчала, обдумывая донесение, потом Беспалов услышал:

– Через два часа к тебе Илюхин придет. Ты своих с ним оставь, а сам сюда возвращайся. С тобой батя поговорить хочет.

Илюхин был тем самым старшим лейтенантом, который собрался писать рапорт об увольнении. Вчера он последними словами ругал интендантскую службу за то, что она уже целую неделю держит солдат на сухом пайке.

– Пропивают все, сволочи, а нас кормят заржавелыми концентратами, – горячился Илюхин. – К стенке их всех ставить надо!

Беспалов даже обрадовался, что Илюхин придет сюда. Здесь он и отдаст ему овечку, с которой не знал, что делать. А батей называли командира полка. По всей видимости, он хочет услышать от Беспалова точный рапорт.

Погода в горах меняется очень быстро. Через час снежные вершины затянули белые облака, вскоре они опустились ниже, и сырая, вязкая мгла поползла по перевалу. Видимость упала совсем, и у Беспалова заныло сердце. Если боевики пойдут сейчас через перевал, их даже увидеть нельзя будет. Можно было выдвинуть Шугаева влево, а Глебова вправо от себя и таким образом расширить зону наблюдения, но Беспалов не стал этого делать. Троице-двести человек все равно не остановить, а рисковать понапрасну солдатскими жизнями он не хотел. Лучше будет незаметно отойти всем, подождать подмогу и тогда наваливаться на бандитов.

Вскоре на наблюдательный пункт пришел Илюхин с тремя солдатами. Они принесли с собой ручной пулемет и две коробки патронов к нему.

– Вам, товарищ капитан, приказано идти в часть, – сказал Илюхин.

– Я это знаю, – ответил Беспалов и спросил: – Харчей не подкинули?

– Где там? – построил кислую мину Илюхин. – Кормят одними обещаниями.

– У меня для тебя подарок, – сказал Беспалов и, повысив голос, произнес: – Глебов!

– Здесь я, – раздался из-за кустов голос сержанта.

– Я уйду на базу, вместо меня остается старший лейтенант. Овечку презентуешь ему, пусть кормит своих солдат.

- А себе ничего не оставим? – обиженно спросил Глебов.
- Старший лейтенант с вами поделится.

Добравшись до базы, Беспалов сразу явился к полковнику Барановскому. Тот сидел за столом в расстегнутой камуфляжной рубашке, из-под которой выглядывала такая же камуфляжная майка. Полковник исподлобья посмотрел на Беспалова и неприязненно бросил:

- Ну что там у тебя, посланец? Рассказывай.

Алексея неприятно резануло слово «посланец». Утром его так назвал старик Зелимхан, теперь Барановский. «Какой я вам посланец?» – подумал Беспалов и сказал:

– Завтра большая группа боевиков пойдет из Дагестана в долину через перевал, который охраняем мы.

- Они тебе передали, что пойдут именно завтра? – съязвил Барановский.
- Мне один надежный человек сказал об этом, – ответил Алексей.
- Что за человек? – Барановский просверлил Беспалова колючим недоверчивым взглядом.

- Старик чеченец из нижнего селения. Он сегодня утром ко мне приходил.

– И ты веришь этому чеченцу? – играя желваками, подался вперед Барановский, и Беспалова обдало резким, неприятным запахом сивушного перегара. У Алексея сразу напряглись мускулы. На перевале остались люди, которых перестреляют, как воробьев, если их оставить без подмоги, а командир части вместо того, чтобы организовать эту самую подмогу, пьет водку. Он с брезгливостью посмотрел на полковника и отвел глаза.

Беспалов не знал, что час назад колонна БТР, выдвигавшаяся к ним, чтобы занять тот самый перевал, с которого он только что вернулся, попала в засаду и ее сейчас как в тире расстреливают из гранатометов боевики. Они прихватили колонну в узком ущелье, подорвали первую и последнюю машины и таким образом лишили солдат маневра. Колонну должны были охранять с воздуха вертолеты. Но в Ханкале, где базировалась авиационная часть, для боевых машин не оказалось керосина. То ли по разгильдяйству, то ли преднамеренно. В последнее время Барановский постоянно ловил себя на том, что о каждом их передвижении задолго до его начала узнают боевики. Налицо была не просто утечка информации, а самое обыкновенное предательство. Кто-то получал за это большие деньги. Но этот кто-то находился так высоко, что отсюда, из горного ущелья, до него было все равно, что до Господа Бога. В распоряжении Барановского был всего батальон, он хотел послать на выручку колонне хотя бы одну его роту, но ему запретили это делать, сказав, что колонну выручат и без него. Но Барановский знал, что не выручат, и начал возмущаться.

- Водка у тебя есть? – в ответ на его возмущения спросили в штабе дивизии.
- Есть. А что? – не поняв, смутился Барановский.
- Выпей стакан и успокойся. Не суетись. Все сделаем без тебя.

Барановский выпил не стакан, а целую бутылку. Странно, но хмель даже не ударил в голову. Он ждал последних сообщений о колонне, постоянно поглядывая на рацию. Но она равнодушно молчала. И полковник понял, что выходить на связь там уже некому. В это время и появился в палатке Беспалов.

– Чеченец, говоришь, сказал? – повторил Барановский и поднял на Алексея тяжелый взгляд. – А в честь чего это он решил так услужить нам?

Беспалов хотел рассказать о том, как ходил в селение осматривать больную девочку, но понял, что именно этого делать сейчас не следует. Рассказ вызовет только лишние подозрения.

– Старик боится, что если банда займет село, а мы начнем выбивать ее, больше всего пострадают мирные чеченцы, – сказал Беспалов. – Мы разрушим их дома.

- Раньше им надо было заботиться об этом, – отрезал Барановский.

– Значит, на перевал мы никого не пошлем? – Беспалов снова ощутил неприятный запах винного перегара, шедший от полковника.

– А если твой чеченец заманивает нас в ловушку?

– Надо учитывать и это, но мы всегда должны быть готовы к отпору, – сказал Беспалов.

– Мы-то должны, а вот наверху считают, что никто никому ничего не должен. – Барановский начал искать пальцами пуговицу на воротнике и, не найдя ее, опустил руку. – Иди, я все понял.

– Куда я должен идти? На перевал? – спросил Беспалов.

– Иди, отдыхай, – махнул рукой Барановский.

Беспалов ушел в свою палатку, лег на кровать и закрыл глаза. В голове стучало одно: «Надо как можно скорее бежать из этой армии. Она уже давно не знает, кому служит и кто ею командует». Он подумал о ребятах, оставшихся на перевале, и у него заныло сердце. Если не пришлют подмогу, они все останутся там.

Уснул Беспалов только перед утром, но почти сразу же его разбудил топот и крики снаружи. Он вышел из палатки и увидел, как на плац с оружием в руках выбегают солдаты и торопливо строятся в одну шеренгу.

– Что случилось? – спросил Беспалов пробежавшего мимо комбата Селуянова.

– Боевики на перевал вышли, – бросил Селуянов и заспешил в голову шеренги.

Беспалов растерянно посмотрел вокруг, поняв, что о нем просто забыли.

– Я с тобой, – крикнул он Селуянову и побежал вслед за ним.

Эхо в горах отзывается особым звуком, стрельба в ущелье разносится за несколько километров. На перевале шел бой, выстрелы с оттяжкой, словно огромная плетка, сухо стегали склон горы. Боевики обошли наблюдательный пункт, перевалили вершину и скатывались к селу. Маленькие черные точки человеческих фигурок, словно муравьи, спешили вниз под укрытие леса. По ним стреляли, и Беспалов понял, что кто-то из наших солдат еще жив.

Он так торопился к своему наблюдательному пункту, что несколько раз упал, ободрав ладонь и больно стукнувшись боком о затвор автомата. Ладонь кровоточила, два ребра ныли, но Беспалов, прижимаясь телом к самой земле, все бежал и бежал к спасительной скале, способной закрыть его от непрерывного автоматного огня, который вели боевики. Выстрелы неслись со всех сторон, и он не мог понять, отстреливаются ли еще его ребята или огонь ведут только боевики. Оказавшись всего в одном броске от скалы, Беспалов крикнул: «Глебов!», и это было последнее, что он запомнил в тот день. И еще запомнил выскочившую из кустов овечку с тонким сыромятным ремешком на шее, стремительно поскакавшую вниз по склону, туда, откуда раздавались оглушающие выстрелы. Беспалов словно наткнулся на невидимую стену, с разбегу налетев на которую, тут же упал на каменистую землю.

Когда он открыл глаза, увидел перед собой белый потолок, свет из окна и соседнюю койку, на которой, не двигаясь, лежал забинтованный человек. Потом раздался дробный стук каблучков по полу, и над ним склонилась красивая девушка в белой шапочке с вышитым красным крестом.

– Лежите, – сказала она. – Не говорите и ни о чем не думайте. Разговаривать будем завтра.

Беспалов понял, что он находится в госпитале, причем не полевом, а стационарном. Значит, его подобрала и вывезли с перевала туда, где нет войны.

– Где я? – спросил Беспалов.

– В Ростове.

– А что с ребятами? – снова спросил Беспалов.

– С какими ребятами? – не поняла сестра.

– С моими.

– Этого я не знаю, – ответила сестра и добавила: – Лежите и не разговаривайте. Вам это сейчас вредно.

Беспалов закрыл глаза и тут же провалился в небытие. В госпитале он пролежал два месяца. Его комиссовали по состоянию здоровья. Хотя слово «комиссовали» не соответство-

вало тому значению, которое ему придавали в Советской армии. Раньше оно предполагало какие-то социальные гарантии, а сейчас его просто выперли из армии без всяких средств к существованию. Он долго стоял на крыльце госпиталя, думая, куда идти.

Первым желанием было поехать к Наде. Он постоянно вспоминал о ней, особенно когда пошел на поправку. Она снилась ему не только ночью, но и днем – стройная, гибкая, с большими золотистыми глазами и тонкими руками, обнимающими его за шею. Он даже ощущал на своей подушке запах ее волос и здорового, чистого женского тела, как это было в те минуты, когда она оставалась с ним. И от этого ощущения ему хотелось скорее вскочить на ноги и бежать к Наде, к ее необыкновенному теплу, к ее горячим губам. Но Беспалов тут же поймал себя на том, что в таком состоянии он не может предстать перед ее глазами. После осколочного ранения в живот и нескольких операций он еле передвигался с палочкой в руке. К тому же ему не на что было жить. А Надя и без него едва сводила концы с концами. Одинокое постояв и беспомощно поозиравшись на крыльце госпиталя, он вышел за его ворота и направился на вокзал покупать билет до поселка, в котором жила его сестра. Единственный человек, который мог его приютить, пока он не поправится окончательно.

2

Беспалов не узнал деревню сестры, еще два года назад казавшуюся ему островком незыблемого благополучия. На самой ее окраине вместо животноводческого комплекса, на котором трудилась половина сельчан, стояли покосившиеся скелеты бывших коровников и телятников. От силосных башен, походивших на блестящие зачехленные ракеты, остались только воронки, заполненные зеленой, протухшей водой. Окна и двери детского сада, стоявшего посреди села, были забиты почерневшими досками. Он словно снова очутился в чеченском селении, которое только что удалось отбить у боевиков.

Притихший и оробевший, Беспалов осторожно отворил калитку и увидел в дверях дома сестру. Она стояла с ведром в руках и растерянно смотрела на него. Потом торопливо опустила ведро и, раскинув руки, кинулась к калитке.

– Алешенька, ты жив? – сестра соскочила с крыльца, прижалась к нему и погладила ладонью по спине.

Он поцеловал ее в голову и тихо произнес:

– Жив, Настенька, жив.

– Пойдем в дом, – заторопилась сестра. – Ты, поди, есть хочешь? Ведь с дороги.

И только тут заметила в его руках тросточку. Она отстранилась от него на вытянутые руки, осмотрела с ног до головы и, не скрывая тревоги, спросила:

– Что с тобой?

– Пустяки, – улыбнулся Беспалов, но сестра не поверила ему, сокрушенно покачав головой. – Николай дома?

– Уехал с ребятами на рыбалку, – сказала она и повторила: – Пойдем в дом.

В доме было прохладно и чисто. Большой стол в гостиной застелен светлой вышитой скатертью, на диване лежали две маленькие, тоже вышитые подушки. Беспалов повернулся, не зная куда сесть. Сестра показала рукой на диван. Он поставил тросточку к стене и осторожно сел.

– Что с тобой? – снова спросила сестра.

– Еду из госпиталя, – сказал Беспалов и попытался улыбнуться. – Послали в командировку полюбоваться на красоты Кавказа, а экскурсия, видишь, оказалась не совсем удачной.

Сестра подозрительно посмотрела на него. Беспалов обвел глазами комнату и сказал:

– Если не будешь возражать, поживу немного у тебя.

– Я так рада, что ты приехал, – сестра тоже улыбнулась. – Николай только сегодня тебя вспоминал. Говорил: хоть бы Алешка приехал. Сено скоро готовить надо.

– Какой из меня ему помощник? – Беспалов кивнул на оставленную у стены тросточку. – Я ему только мешать буду.

– Ну, вот еще, мешать, – недовольно сказала сестра. – Никому ты здесь мешать не будешь.

– А что это у вас с коровниками? – спросил Беспалов.

– Реформа сельского хозяйства, – сестра сразу помрачнела и опустила голову. – В совхозе сменили собственника. С государственного на более эффективного, частного. А он, видишь, каким эффективным оказался. И так не только у нас – по всей стране.

– Как же теперь жить? – Беспалов с тревогой посмотрел на сестру, не понимая причины деревенского разорения.

– Так и живем, – сказала сестра. – Власти мы не нужны, она нам тоже. Нам к этому не привыкать. Были времена и хуже.

– Но подлеи не было, – сказал Беспалов, вспомнив своих боевых товарищей. Он до сих пор не знал, жив ли кто-нибудь из них.

– Это правда, – согласилась сестра. – Подлеи не было.

На улице раздался шум мотоцикла, и Беспалов, повернув голову, увидел в окно, как в ограду въезжает зеленый «Урал», за рулем которого сидел муж сестры, а за его спиной и в коляске – сыновья.

– Николай приехал, – сказала сестра, – пойду встречу.

Беспалов тоже поднялся, чтобы выйти на крыльцо, но в комнату стремительно вошел Николай, кинулся к Беспалову и с такой силой обнял его, что тот, вскрикнув, сразу обмяк и опустился на диван.

– Ты осторожней с ним, он только что из госпиталя, – сказала сестра.

– Извини, – Николай виновато посмотрел на Беспалова. – Я этого не знал. – И тут же добавил: – Наловили с ребятишками целое ведро отменных ельцов. Настя сейчас пожарит, отведает свежей рыбки.

– Рыбы я давно не ел, – признался Беспалов, осторожно подвинувшись на диване.

Прежде чем накрыть стол, сестра, нерешительно посмотрев на мужа, спросила:

– Может быть, сбегать в магазин за бутылкой?

– Не надо, – отрезал Николай и в ответ на вопросительный взгляд Беспалова заметил: – Не хочу, чтобы ребятишки видели, как мы пьем эту гадость. О нас и так говорят, что все русские спились. Ты лучше квасу на стол поставь, – обратился он к жене.

Настя поставила на стол большой кувшин кваса, стаканы, а сама отправилась на кухню. Вскоре она принесла полную тарелку жареной рыбы и свежей зелени. Николай ел неторопливо, все время поглядывая на Беспалова. Потом спросил:

– Где это тебя? – Он конечно же имел в виду ранение.

– В горах. Почти у самых снегов. Ты не поверишь, какая там красота, – Беспалов улыбнулся, у него заблестели глаза.

– Ты на красоту рот разинул, тебя и царапнуло? – съязвил Николай.

– Именно так все и произошло, – кивнул Беспалов.

– Ты Степку Воронкова знал? – спросил Николай. – Он на соседней улице жил. Месяц назад на него из Чечни пришла похоронка. Сколько русских мужиков надо убить, чтобы все это закончилось?

– На этом в Москве и Чечне зарабатывают большие деньги.

– Ельцин, что ли, зарабатывает?

– Про Ельцина не знаю. Но его присные точно. Ты мне расскажи лучше, как вы живете.

– Как можем, так и живем. Сегодня вот рыбы наловили, – Николай посмотрел на сыновей. – А так, поросят держим. Вырастим, продадим, дров купим, кое-какую одежонку справим. Ну и корова у нас. Без нее в деревне не прожить.

– В общем, все как в шестнадцатом веке?

– Сами себя в него вогнали, – сказал Николай. – Все враз захотели стать богатыми. А кто же позволит русскому человеку стать богатым? Мы и глазом моргнуть не успели, как богатыми стали другие.

– Ну а если стать фермером? Взять землю, посеять пшеницу?

– Что значит стать фермером? – Николай отодвинул от себя тарелку. – Даже если возьмешь землю, ее нужно чем-то пахать, засеять, потом убирать урожай. В России ведь сейчас не производится ни одного трактора, комбайны тоже сплошь импортные, каждый стоит миллионы. За тонну солярки шесть тонн пшеницы отдать надо. Какой крестьянин это выдержит? Приватизация ведь была сделана не для того, чтобы найти умных хозяев и укрепить экономику, а чтобы прежний строй не вернулся. Для власти это главное. Народ ей только мешает. Власти сейчас нужно любой ценой сохранить те деньги, которые на Запад вывезла. За это она и народ, и страну сдаст, кому хочешь.

– А свиней, когда вырастишь, сам на базаре продаешь? – спросил Беспалов.

– Да ты что? Кто же меня на базар пустит? – удивился Николай. – Все базары уже давно хачикам принадлежат.

– Каким хачикам?

– Тем, которые с Кавказа приехали. Не хотят там воевать, а, может, уже навоевались.

– Чеченцы, что ли?

– А кто их поймет? – пожал плечами Николай. – Для меня они все одинаковы. Что чеченцы, что грузины с азербайджанцами. У всех свои государства есть, а лезут почему-то к нам.

– А я-то думал, что у нас тут все налаживается, – разочарованно протянул Беспалов. – К всеобщему счастью идем.

– Счастье – это то, о чем человек мечтает, – философски заметил Николай. – А сейчас нам и мечтать не дают. Выживать надо.

– Выживем, Коля. И с хачиками разберемся. – У Беспалова вдруг напряглись кулаки и заходили желваки на скулах. – Нам ведь с этой земли бежать некуда. Другой у нас просто нет. И счастье наше для нас никто не построит. За все надо самим бороться. Нам с тобой и вот им – тоже, – Беспалов кивнул на притихших ребятишек. – Иначе пропадем.

– Да как же бороться? – Николай даже передернулся от негодования. – Кругом все продано. Полиция защищает только их. Суды и прокуратура – тоже. За простого человека в России заступиться некому. Мы на своей земле – рабы, не больше.

– Тут ты не прав, – заметил Беспалов. – С человеком поступают так, как он это позволяет. В любой ситуации нельзя терять своего достоинства. Как только потеряешь его, сразу становишься никем. С тобой даже последнее ничтожество перестает считаться. А пока достоинство при тебе – ты человек.

Настя вдруг приподнялась на стуле и, посмотрев в окно, сказала:

– Опять эти ведьмы идут. Вчера кое-как от них отвязалась, а они не унимаются.

– Кто не унимается? – спросил Беспалов.

– Две бабы какие-то. Все в церковь свою сватают.

– В какую церковь?

– То ли иеговисты, то ли еще кто-то. Называют себя христианами. А недавно «белое братство» приезжало. Человек двадцать. Строевой колонной по нашей улице прошли, все в белом. Ребятишки за ними до околицы бежали.

У Беспалова снова заходили желваки на скулах. Он осторожно поднялся из-за стола, молча взял тросточку и направился к двери.

– Ты куда? – испуганно спросила сестра.

– С христианками побеседую. Вы тут посидите, я мигом.

Женщины были ухоженными, хорошо одетыми и выглядели интеллигентно. Увидев Беспалова, по-хозяйски открыли калитку и устремились к нему. Он остановился посреди ограды, поджидая, когда они подойдут. Потом спросил:

– Чем могу служить?

– Мы хотим вам дать литературу, – сказала одна, цыганистого вида. На ней было тонкое, цветастое платье с открытым декольте, наполовину обнажавшем полные груди. – Почитайте наши книжки и приходите на собрание. Мы его в клубе проводить будем.

– Вы сами-то откуда? – спросил Беспалов.

– Из города.

– А книжки зачем привозите и людей в клуб собираете?

– Чтобы в правильной вере укрепить. Человеку без веры нельзя, – сказала все та же цыганистого вида.

– У нас церковь есть, – сказал Беспалов. – Люди в нее ходят. Они себе веру тысячу лет назад выбрали.

– Та вера не настоящая. Ведь не зря на попов гонение было. Мы хотим в настоящей вере укрепить.

– А ну-ка повернись ко мне спиной, – попросил Беспалов.

– Зачем? – удивилась чернявая.

– Со спины на тебя посмотреть хочу. Может, у тебя там крылышки выросли?

– Какие еще крылышки? – чернявая улыбнулась полными, накрашенными губами и, подняв руку и пританцовывая, картинно, по-театральному, начала поворачиваться.

Беспалов не стал ждать, когда она окончательно повернется, а с размаху, с оттяжкой стегнул ее тросточкой по выпирающей ягодице. Чернявая взвизгнула так, что у него зазвенели перепонки.

– Чтоб духу твоего тут не было, ведьма клыкастая, – крикнул он, снова замахиваясь тросточкой. Но ударить еще раз ему не удалось. Иговисток словно ветром сдуло из ограды. Беспалов увидел только пыль на улице, стелющуюся из-под их каблуков. В дом он вошел разгоряченный, с покрасневшимся лицом.

– Зря ты их так, – жалостливо сказала Настя. – Женщины ведь.

– Ничего не зря, – поддержал свояка Николай. – Нечего им тут делать. Я видел их книжечки. Там написано: «Издано в Сан-Франциско». Вот пусть в Сан-Франциско их и читают.

Беспалов сел за стол, размял правую ладонь и спросил:

– Хачики к вам тоже приезжают?

– Приезжают, – ответил Николай. – Завтра или послезавтра будут. Мясо ведь на базар каждый день возить надо.

– А кто в селе церковь построил?

– Степка Харченко, – сказала сестра. – Грехи, видать, отмаливал. Он у нас последним директором совхоза был. Всех коров на мясокомбинат сдал и денег никому не заплатил. Он у хачиков служит. Виллу себе в городе построил. К Нинке, его жене, теперь на пьяной козе не подъедешь.

– А хачики сюда зачем приезжают? – спросил Беспалов.

– Деньги привозят, – ответил Николай. – Степка договаривается, когда и у кого скот забивать, хачики с рефрижератором приезжают. Скидают в него мясо, заплатят по семьдесят рублей за килограмм и едут на базар.

– А на базаре почему продают? – Беспалов уже не скрывал, что нервничает.

– Все зависит от сорта. От ста семидесяти и выше.

– Зачем же вы продаете его за столько?

– А на что жить? – сказал Николай. – Сам я на базар не поеду. Там мне за это мясо в лучшем случае в морду нададут. А то и ножом пырнут. А больше сдать его некуда. Такая у нас сейчас власть.

– Это же рабство, – не выдержав, возмутился Беспалов.

– Конечно, рабство, – согласился Николай. – А что делать? Народ в нашей стране никому не нужен. Куда ни посмотри – одни уголовники. И во власти – тоже.

Утром Беспалов пошел в церковь. Еще с вечера звал с собой Николая, но тот отказался, сказав, что слишком много работы по хозяйству. Насти в доме не было, она вместе с ребятишками возилась на огороде. В кухне на столе, накрытая чистенькой салфеткой, стояла тарелка, полная пирожков. Рядом с ней – чайная чашка. Беспалов понял, что это для него.

Пирожки оказались со свежей капустой. Такие раньше пекла бабушка. Настя знала, что в детстве он их очень любил, поэтому расстаралась с самого утра. Попив чаю, Беспалов направился на другой конец села. Церковь построили там. Говорят, что на этом месте до войны тоже стоял храм, но перед самой войной сгорел.

В церкви было прохладно и почти пусто. Служба уже закончилась, а может быть, ее не было вовсе. Около батюшки стояли три женщины, он о чем-то говорил с ними. Переступив порог, Беспалов остановился и, перекрестившись, поклонился. Затем, подняв голову, осмотрелся. Внутреннее убранство церкви было простеньким, если не сказать нищенским. Большие, висящие на стенах иконы рисовал, по всей видимости, местный деревенский художник, отчего они походили на картины начинающих пробовать себя в живописи детей. Таким же бедным выглядел иконостас. Впрочем, значимость храма зависит не от росписей, а от духа, который в нем поселился. Но Беспалову почему-то сразу подумалось, что у батюшки в этом селе нелегкая жизнь. Постояв несколько мгновений у порога, он шагнул к нему. Женщины тут же попрощались и ушли. Батюшка повернулся к Беспалову и, чуть прищурившись, посмотрел на него. Этот взгляд немного смутил Беспалова.

Направляясь в церковь, он заранее обдумал разговор со священником, которого, как он знал, звали отец Николай. Ему хотелось спросить, почему в селе, где имеется церковь и живет православный народ, свободно ходят по домам сектантские агитаторы, а «белое братство» устраивает шествие праздничных колонн? Почему церковь не противится этому? Не боятся ли батюшки уже через несколько лет остаться без прихожан? Почему они не протестуют со своих амвонов против наркомании и абортот, насилия над детьми, повального пьянства? Или не замечают того, во что превращается народ?

Батюшка перевел взгляд на тросточку, на которую опирался Беспалов, вытянул руку к стоявшей у стены деревянной скамейке и сказал:

– Давайте присядем.

Они сели. Батюшка вздохнул и спросил:

– Где вас ранило?

Беспалова удивило, что священник моментально и так точно установил диагноз его недуга. Словно сам когда-то страдал им.

– В Введенском районе, – ответил Беспалов. – Слышали о таком?

– Не только слышал, но и был там.

– Вот как? – удивился Беспалов. – А как же тогда вы оказались священником?

Отец Николай несколько мгновений молчал, опустив голову, потом поднял глаза на Беспалова и начал рассказывать. Оказалось, что он тоже служил в армии во время первой чеченской кампании и воевал под Ведено. Их рота, в которой после боя осталось меньше половины солдат, первой вошла в поселок. Районная больница была забита ранеными боевиками. Но

взять их не разрешили. Сначала дорогу перекрыли чеченские женщины, потом по приказу начальства роту вообще вывели из села. Боевикам надо было дать поправиться и уйти в горы.

– Если правды нет на земле, значит, ее надо искать выше, – вздохнул отец Николай. – На войне для меня открылось такое, о чем раньше и не подозревал. В иную душу заглянуть страшно.

– Вы имеете в виду боевиков?

– Не только. Отморозков и у нас хватает. В том числе и на самом верху.

Беспалов не думал, что отец Николай окажется таким откровенным. По всей видимости, в деревне ему не с кем было общаться. В бывшем военном он увидел своего, поэтому и разговаривал. Но откровение на том и закончилось. Отец Николай повернулся к Беспалову и спросил:

– Вас что-то мучает? У вас душа беспокойная.

– Вчера приходили какие-то сектантки. Агитировали принять их веру. Я одну из них огрел по мягкому месту вот этой тростью, – Беспалов покосился на тросточку, которую прислонил к скамейке.

– Вы поступили как истинный православный христианин, – одобрительно сказал батюшка.

– Но другие-то этого не сделали. Почему? Почему «белое братство» организует шествия по деревне, а вы нет? Почему сектанты бродят по дворам, смущая народ, а вы молчите?

– А что бы вы хотели? Чтобы мы тоже вышли на улицы?

– Но ведь люди пока еще верят вам и надеются, что вы их защитите.

– Мы помогаем человеку побороть зло в его душе. Все остальное он должен решать сам.

Вот вы же решили.

– Но я же один. Что я могу сделать?

– Иисус тоже пришел на землю один, – перекрестившись, тихо произнес батюшка и, подняв глаза к церковному куполу, добавил: – Христовых воинов много. Поживёте у нас и душой почувствуете их.

– Степан Харченко тоже ходит в церковь? – спросил Беспалов.

– Я пришел в село, когда храм уже был построен, – сказал батюшка. – Мы не гоним тех, кто заходит к нам. – Он помолчал немного и добавил: – Дочка его постоянно бывает в храме.

И Беспалов понял, что священник хорошо знает цену Степке. И про дочку он сказал неслучайно. Наверняка с ней произошла какая-то история, если ищет утешения в церкви.

– Спасибо, что поговорили, – сказал Беспалов и, опираясь на тросточку, поднялся.

– Заходите еще, – произнес священник.

Беспалов вышел из церкви. Шел в нее за утешением, но его не настало. «Каждый заботится только о себе, – думал он. – Вот и батюшка боится испортить отношения и с сектантами, и со Степкой. Но от Степки он хоть что-то получает, а с сектантами-то почему ведет себя так?»

Вернувшись домой, он застал там Настю одну. Николай с ребяташками отправился на мотоцикле за ягодой.

– Вчера были на одной сопке, – сказала Настя. – Клубника там хорошая поспела. Решили сегодня собрать. Иначе другие оберут. Народу городского к нам много приезжает. Все же безработные. Вот и ищут, где пожить.

– Что же мне не сказали, – обиделся Беспалов. – Я бы тоже по ягоды съездил.

– Куда тебе такому хворому, – возразила Настя и тут же спросила: – Кого в церкви-то видел?

– Три женщины какие-то были и тут же ушли. Пусто там. Батюшка говорит, что дочка Харченки к нему постоянно ходит.

– Грехи, видать, отмаливает, – сказала Настя.

– Какие грехи? – спросил Беспалов.

– Она своему тятеньке суразенка от хачиков принесла. Через нее он с ними и познакомился.

– Чего же замуж не вышла?

– Замуж надо выходить за своих. Но это нынешние девки понимают только после того, как с чужими наживутся.

Беспалов понял, что Настя говорит не только о дочке Степана, но и о других таких же бедолажках, чьи головы оказались забиты дурью о богатой жизни. Эта дурь, как в свое время советский интернационализм или нынешний глобализм, распространяется по всему миру. Немцы все чаще стараются жениться на негритянках, а французы – воспитать ребенка из арабской семьи. Ни те ни другие не думают о том, в какой трагической ситуации со временем окажутся их собственные дети. Они не станут ни немцами, ни французами, но уже не будут ни неграми, ни арабами. И никакое богатство не сделает их счастливыми. «Да. Замуж надо выходить за своих», – подумал Беспалов.

Ему вспомнилась Надя. После того как отбыл на Кавказ, он несколько месяцев не писал ей. Ему казалось, что чем дольше она не будет иметь от него весточки, тем больше соскучится. Но Беспалов не учел одного: скучать будет не только Надя, но и он сам. И все же первое письмо, которое он отправил ей, было сдержанным. Она ответила очень быстро, но Беспалову вручили его лишь после того, как он возвратился из недельного блуждания по горам. Он выслеживал бандгруппу, стараясь найти ее тайники с оружием, установить пункты наблюдения, выявить связи с местным населением. Боевики хорошо готовились к каждому налету на наши посты, и, чтобы вовремя засечь это, надо было вести тщательную разведку.

Надя писала, что очень соскучилась и больше всего боится, что его могут убить. Ведь сообщения о гибели наших солдат на Кавказе, о захвате их в плен, зверских пытках и казнях не сходят с экранов телевизоров. Прочитав письмо, Беспалов вытянулся на кровати и положил его на грудь. Потом перечитал еще раз, поднес к лицу, стараясь выяснить, не осталось ли на нем запахов Нади, закрыл глаза и долго не открывал их, заново переживая самые счастливые минуты своей жизни. Ему казалось, что он ощущает аромат Надиных волос, ее тепло и даже видит у своего лица ее горячие, подрагивающие губы. Беспалов понял, что она простила его и хочет, чтобы он поскорее вернулся. Он тут же написал ей ответ, но больше писем от нее не приходило. Беспалов измучился, не находя себе места, пока майор Сенчуков, с которым они сдружились за месяцы службы, не сказал с предельным цинизмом:

– Брось ты, Леша, переживать. Поверь мне, она нашла кого-то не хуже тебя. Женщина не может быть долго одна. Ей постоянно нужен около себя человек, на которого она могла бы опереться.

Беспалов обиделся на майора и несколько дней не разговаривал с ним. Но писем от Нади так и не приходило, и в душу невольно закралась подленькая мыслишка: «А, может быть, Сенчуков прав?» Беспалов подумал, что после этого ему станет легче. Но душевная рана так и не зажила.

Сегодня он снова вспомнил Надю, и это воспоминание разбредило сердце. Надя до сих пор была для него самым дорогим человеком, и он понял, что не успокоится до тех пор, пока не увидит ее. Даже если она за время их разлуки полюбила другого. «Как только поправлюсь, сразу поеду к ней», – решил Беспалов.

3

Утро выдалось ясным и солнечным, деревенский воздух, наполненный запахами цветущих палисадников и отволглой за ночь травы, пьянил, как свежая медовуха. Беспалов долго стоял на крыльце, наслаждаясь разлившимся над дворами покоем, потом прислонил к стене тросточку и несколько раз развел и свел на груди руки. Он уже давно не делал гимнастику и

почувствовал, что легкие физические упражнения доставляют удовольствие. Израненное тело набиралось сил, и они начали требовать выхода. Но он еще не рисковал давать себе большие нагрузки, чтобы набрать форму, требовалось время.

На крыльцо вышла Настя с ведром в руках, бросила на Беспалова взгляд и, уже спускаясь со ступенек, сказала:

– Пойду, соберу огурцы, к вечеру сделаю малосольненьких.

Она легко, как балерина, спорхнула со ступеньки и, обернувшись и улыбнувшись Беспалову, направилась к калитке, ведущей в огород. Он невольно залюбовался ее фигурой, легкой, почти воздушной походкой. «Деревенская баба, – подумал Беспалов, – с утра до вечера крутится по хозяйству, а сумела сохранить и привлекательность, и неунывающий нрав». И еще он подумал о том, что не заметил, как она выросла, стала женщиной, завела семью. После школы он уехал в военное училище, потом мотался по гарнизонам, в самом конце необъявленной афганской войны оказался в Кандагаре. Там и получил первое боевое крещение. Его группу послали спасать экипаж вертолета, сбитого духами в ущелье.

За экипажем должен был прилететь другой вертолет, но, чтобы он смог приземлиться, духов надо было держать подальше от него. Ущелье было глубоким и узким, духи сидели на горном гребне, а в горах кто находится выше, тот и владеет ситуацией. Экипаж спасло то, что духи слишком поторопились. Они кинулись с вершины к сбитой, лежащей на боку машине, надеясь как можно быстрее захватить летчиков, если кто-то из них еще остался в живых. И пока они, падая и спотыкаясь о камни, торопливо спускались вниз, группа Беспалова заняла их позиции. Услышав шум второго вертолета, духи приготовились встретить его огнем, но сами попали под огонь бойцов Беспалова.

Беспалов не видел спасенных летчиков, узнал только, что все они были ранены и доставлены в госпиталь. Но об этом ему сказали два дня спустя, а сам он почти сутки под непрерывным обстрелом спускался с той горы, вынося на плечах тяжело раненного в бедро и потерявшего много крови сержанта Биденко. Тогда впервые в своей жизни он понял, что такое настоящий страх. Пули визжали, ударяясь о камни, казалось, что каждая из них нацелена прямо в тебя, бешено стучащее сердце вырывалось из горла, а животное чувство самосохранения гнало вниз, за поворот ущелья, где только и можно было спрятаться от надвинувшегося ужаса. Но сознание все же не отключалось, и Беспалов понимал, что безоглядное бегство означает неминуемую гибель для всех. Он постоянно останавливался и давал короткие очереди по душманам, успевая охватить взглядом склон, по которому спускались его солдаты. Истекающий кровью сержант Биденко, висевший у него на спине и державшийся уже совсем ослабевшими руками за его шею, постоянно хрипел в ухо:

– Бросьте вы меня, товарищ лейтенант. Нам отсюда все равно не уйти.

Беспалов сначала не отвечал ему, а потом рявкнул:

– Еще раз вякнешь, пристрелю сам!

Биденко замолчал. Они укрылись за выступом небольшой скалы, где Беспалов наложил сержанту жгут на ногу и сделал укол промедола. Духи не посмели спуститься с гребня потому, что рассыпавшиеся по склону солдаты сумели укрыться и начали вести прицельный огонь. Уйти в долину удалось только с наступлением темноты, а до своей части они добрались под утро. Господь спас всю группу, никто не был убит, а ранение получил один Биденко. Беспалов думал, что начальство похвалит за выполнение задания, но командир полка, прервав его доклад, сердито буркнул:

– Что же ты полдня тащил на себе этого сержанта?

– А кто бы его вытащил кроме меня? – удивился Беспалов. – Ведь рядом никого не было. Все, как могли, отбивались.

Биденко сделали операцию и отправили на родину в госпиталь. Через месяц он прислал Беспалову открытку, в которой сообщил, что поправляется, и благодарил за спасение. Беспалов сохранил ее, она и сейчас лежала в его вещевой сумке.

Он не знал, почему ему вдруг вспомнился Афганистан. Ведь в подобных переплетах не раз приходилось бывать и в Чечне. В ней были случаи и пострашнее. Афганцы в отличие от чеченцев не отрезали головы пленным и не выбрасывали их на дорогу, не издевались над захваченными солдатами. Наоборот, они берегли их, пытались обменять на тех, кто попадал в наши руки. А здесь же все животное, что осталось в человеке со дня сотворения, вылезло наружу. А ведь мы с чеченцами являемся гражданами одной страны, и делить-то нам вроде нечего. И ненависти никакой друг к другу у нас никогда не было. Что же произошло с людьми?..

Беспалов попробовал сделать несколько осторожных приседаний, боясь почувствовать боль в раненом боку. При выписке из госпиталя врач строго-настрого наказывал ему избегать каких-либо нагрузок, чтобы, не дай бог, не разошлись швы. До этого дня он берегся, но сейчас понял, что настало время потихоньку втягиваться в привычный ритм жизни. Здоровый дух любит здоровое тело, а потому надо начинать тренироваться. Собственная беспомощность угнетала больше всего. Расставив ноги, он попытался дотянуться кончиками ладоней до пальцев ног, но тут же ощутил неприятный холодок в животе. Этот холодок предупреждал о том, что торопиться в таких делах не следует. Беспалов выпрямился и глубоко вздохнул.

Он уже собирался возвратиться в дом, но в это время услышал шум моторов. Поднимая пыль, по улице пролетел мощный иностранный джип, за ним пронесся тупорылый японский грузовик с металлической будкой вместо кузова. На крыльцо вышел Николай и, кивнув головой, спросил:

– Видел?

– Кто это? – Беспалов внимательно посмотрел на свояка.

– Хачики за мясом приехали. А ты что, зарядку, что ли, делал?

– Попробовал немного, но рано еще, – сказал Беспалов.

– Ты с этим не торопись, – сочувственно посоветовал свояк. – Здоровью навредить легко, а вот вернуть его трудно.

– Пойдем лучше чай пить, – засмеялся Беспалов и обнял Николая за плечо.

– Нет, я серьезно, – сказал Николай. – Без здоровья сейчас не выживешь. Что я без него?

Ни сена заготовить, ни картошку выкопать.

Стол на кухне был накрыт, Николай включил электрический чайник и спросил:

– А, может, ты кофе хочешь? У нас кофе есть.

– Какой кофе? – спросил Беспалов.

– Три в одном. Дорогуший, зараза. Рублей пять пакетик стоит. Настя словно знала, что ты приедешь. Берегла, даже ребятишкам не давала.

– Давай лучше чай, – сказал Беспалов. – Кофе Насте оставим.

Но позавтракать они не успели. В дом вбежала Настя и, остановившись на пороге, взволнованно воскликнула:

– Ты посмотри, что они делают! Фашисты проклятые, не иначе.

– Что такое? – не понял Николай.

– У Генки Миронова свинью подожгли. Она по ограде носится, благим матом орет.

Беспалова словно сдуло с табуретки. Он кинулся в комнату, достал из сумки небольшой синенький баллончик, сунул его в карман и, схватив тросточку, выскочил на улицу. Из соседнего переуллка, разрывая барабанные перепонки, разносился дикий свинячий визг, слышалась мужская ругань. Настин сосед стоял у калитки и напряженно вслушивался в доносящиеся крики.

– Что там у них? – спросил Беспалов, подойдя к соседу.

– Миронов поросят отдавать не хочет. Решил их до осени побереечь, чтобы вес набрали.

– Ну и что? – не понял Беспалов.

– Хачикам мясо надо. Оно у них на базаре все время должно быть.

– А Миронов тут при чем? – снова спросил Беспалов.

– Генка отказался поросят резать, а они их бензином обливают и поджигают.

– Взяли бы вилы, да дали этим хачикам по рогам, – сказал Беспалов.

– Попробуй только дай. Тебя тут же объявят русским фашистом и упекут на десятку за межнациональную рознь.

– Это нас-то за межнациональную рознь? – удивился Беспалов.

– А кого же? – сосед опустил голову. – Не их же? У них все куплено, потому что у них деньги. А у кого деньги, у того и власть.

Беспалов отвернулся, чтобы сосед не увидел, как у него заходили желваки на скулах. Потом глухо спросил:

– Закурить у тебя не найдется?

Сосед сунул руку в карман, достал сигареты, протянул Беспалову. Он вытащил одну, размял ее пальцами и сказал:

– Спичек у меня тоже нет.

Сосед вытащил зажигалку, чиркнул ею и поднес огонек к губам Беспалова. Он прикурил сигарету и закашлялся.

За всю свою жизнь Беспалов закуривал третий раз. Первые два для того, чтобы проверить, действительно ли новая горячая смесь воспламеняется от малейшей тлеющей искры. Прикурив, он щелчком выстреливал сигарету так, чтобы искры от ее огонька, рассыпаясь, летели по воздуху еще до того, как она стукнется о землю, где была разлита опасная жидкость. Горячая смесь спокойно, без хлопка вспыхивала почти невидимым голубоватым пламенем, но потушить ее было невозможно. Она горела даже тогда, когда место, облитое ей, засыпали землей. Баллончик с этой смесью иногда выдавали ему перед выходом группы на задание. Сейчас этот баллончик лежал у него в кармане.

Беспалов набрал полный рот дыму, чтобы получше раскурить сигарету, выпустил его и снова закашлялся. Махнул рукой и, опираясь на тросточку, заспешил к дому, в ограде которого разворачивалась очередная крестьянская драма. У ворот стояли джип и рефрижератор, около них никого не было. Подойдя ближе, Беспалов увидел в ограде группу людей. Бледный, трясущийся Миронов пытался схватить за грудки толстомордого чернявого парня, но двое других, таких же чернявых, заломив руки за спину, крепко держали его. Между Мироновым и чернявым, изгибаясь и подпрыгивая, угодливо сутился бывший директор совхоза Степка Харченко. Миронов все время пытался пнуть его в ляжку, но Степка уворачивался, и удар приходился в воздух.

– Да отдай ты ему своих поросят, он тебе деньги заплатит, – кричал Степка.

– Да разве это деньги, падла ты паршивая, – в ответ ему кричал Миронов. – Я осенью такие деньги за одного кабана получу.

У дверей дома, привалившись к косяку, заходила в истерику жена Миронова. Ребятишки, по всей видимости, сидели в доме, боясь высунуться наружу. Из-за ограды доносился запах паленой шерсти и горелого мяса. Погибшая, обгоревшая свинья лежала у загона, рядом с которым еще двое чернявых с канистрой в руках ждали команды.

Грабеж шел средь бела дня, и во всей деревне не было человека, который мог бы заступиться за бедолагу. Если бы Беспалов был здоровым, он бы кинулся в ограду и разметал банду нападавших. Но он понимал, что сейчас ему с ними не справиться. Свалят, пнут несколько раз в живот, и душа отлетит на небеса. Но даже не это останавливало Беспалова, а то, что зло в таком случае останется ненаказанным. А, значит, будет творить новое зло.

Все это в одно мгновение пролетело в его голове. Машины, стоявшие у самой дороги, закрывали Беспалова от дерущихся в ограде. Достав баллончик, он шагнул к джипу, брызнул

голубоватую, светящуюся струю на заднее колесо, находящееся под бензобаком, бросил под него сигарету и свернул за угол. Черный столб дыма поднялся над домами, когда Беспалов заходил в церковь. В ней, к его удивлению, было много народу. Человек десять женщин и двое мужиков столпились вокруг священника и наперебой требовали, чтобы он вместе с ними пошел защищать Миронова.

– Хоть вы, батюшка, заступитесь за нас, – протягивая вперед руки, стонала седая, морщинистая бабушка. – В милицию обращаться нельзя, нас же и обвинят. Сельский голова, увидев хачиков, сел в машину и куда-то сбежал.

– Да не могу я пойти с вами на улицу без благословения, – отбивался священник. – Мне позволено только помолиться за вас. Давайте помолимся.

– Помолиться мы и сами можем, – сказала старушка.

Священник повернулся к Беспалову, ища в нем поддержки.

– Чьё благословение вам нужно? – спросил Беспалов.

– Епископа, чьё же еще, – ответил священник.

– Вы его у Бога спросите, – сказал Беспалов. – Епископ далеко, а Господь в храме.

– Вот-вот, – поддержала Беспалова старушка.

Батюшка в растерянности смотрел то на Беспалова, то на остальную паству. Он явно не знал, что делать. Беспалов понял, что поступок сейчас сильнее любых слов. Он решительно повернулся и направился к выходу из церкви. За ним потянулись остальные. На лице священника промелькнула растерянность. Он вдруг осознал, что его судьба решается именно в это мгновение. Если он не пойдет со своей паствой, значит, никому не будет нужен в деревне. Если пойдет – получит нагоняй от епископа, может быть, даже лишится сана. Хачики иногда подносят тому хорошие пожертвования, а епископ слаб на подношения. Но растерянность длилась недолго, батюшка кинулся вслед за прихожанами. На улице он обогнал их, невольно вспомнив древнее изречение: «Если не можешь одолеть толпу, встань во главе ее и поведи за собой».

Около дома Миронова высоко над крышами поднимались зловещие, черные клубы дыма. Джип полностью выгорел изнутри, стекла полопались и разлетелись на мелкие осколки, чадила резина. Ее резкий, неприятный запах тянул вдоль улицы. Молодой бизнесмен, которого Миронов пытался схватить за грудки, бегал вокруг сгоревшей машины, хватался за голову и непрерывно причитал: «Вай-вай». Он все время пытался заглянуть в дымящийся, раскаленный джип, в салоне которого у него, очевидно, остались важные бумаги или деньги. Двое чернявых, обливавших бензином свинью, что-то тихо сказали ему на ухо и направились с канистрой к дому Миронова. У Беспалова в сознании молниеносно мелькнуло: «Сейчас подожгут». Но эта же мысль на мгновение раньше посетила батюшку. Он широко шагнул вперед и встал около калитки. Прихожане сгрудились вокруг него. Наступила напряженная тишина, слышно было лишь, как, потрескивая, шипела догорающая резина заграничного джипа.

– Всем в нашем мире управляет Господь, – глядя на машину и перекрестившись, громко сказал батюшка и увидел, как вслед за ним крестятся прихожане. – Все происходит по его воле и благословению. И каждого он судит по делам его.

Чернявые с канистрой сначала остановились, затем отошли к рефрижератору. С их предводителя уже давно сошла спесь, глаза его испуганно бегали, глядя то на дымящийся джип, то на толпу, возглавляемую священником. Если бы не было батюшки, не видать Миронову дома, как своих ушей. Да и толпу бы поколотили, не задумываясь. Но присутствие священника останавливало. Предводитель банды понимал, что именно сейчас покушаться на святое не следует. Толпа может озвереть, а с озверевшими людьми справиться трудно. Бросив злобный взгляд на священника, он задом отошел к рефрижератору и заскочил в кабину. Вся остальная банда залезла в рефрижератор, где лежало несколько туш, добытых в соседней деревне. Машина дернулась и, оставляя вдоль улицы сизый, вонючий дым, рванула за околицу.

Батюшка достал из кармана рясы чистый, белый платок, вытер взмокшее от напряжения лицо и посмотрел на Беспалова. Тот выдержал его взгляд, потом опустил глаза.

– Исповедаться не хотите? – тихо спросил батюшка.

– Вы же сказали, что все происходит по благословению Господа, – произнес Беспалов. – И каждого он судит по делам его.

Священник не ответил, но Беспалов понял, что он догадался о том, кто поджег джип. И хотя по всему было видно, что не одобрял этого, но, по всей видимости, простил. Иначе бы не предложил исповедаться.

– Убрать бы надо с улицы это исчадие, – сказал священник, кивнув на останки того, что еще недавно было сверкающим лимузином.

– Я сейчас заведу машину и оттащу его за околицу, – тут же откликнулся пришедший в себя Миронов.

– А вот вам этого делать ни в коем случае не надо, – ответил священник.

Беспалов понял, что батюшка пытается защитить Миронова от милиции, которая непременно придет разбираться с происшедшим. Вот почему будет лучше, если тот не коснется этой машины. И только тут все заметили одиноко стоящего Степку Харченко. Он боялся приблизиться, понимая, что односельчане считают его если не членом банды, то, уж во всяком случае, одной из ее шестеренок. Степка с молоком матери усвоил истину о том, что идти в деревне одному против всех – погибельно. Желая как-то угодить, он сказал:

– Я оттащу этот джип за деревню на свалку.

– Ты дружкам-то передай, чтобы они сюда более не ездили, – сказала старушка, больше всех уговаривавшая батюшку идти выручать Миронова.

– Они меня не послушаются, – отвернувшись, сказал Степка.

– Как у них главного зовут? – спросил Беспалов.

– Вахтангом, – ответил Степка и долгим, внимательным взглядом посмотрел на Беспалова. Он только сейчас заметил его, и в голове сразу возникло подозрение.

Тот легонько стукнул тросточкой о землю и, не глядя на Степку, прихрамывая, направился к своему дому.

– Вы ко мне не зайдете? – вслед ему крикнул священник.

– Обязательно зайду, батюшка, – ответил Беспалов. – Как же не зайти?

У калитки его встретила встревоженная Настя.

– Чего это у них там происходит? – спросила она. – Хачики, как ошпаренные, по деревне пронеслись.

– Машина у них сгорела, – сказал Беспалов.

– Подожгли, что ли? – удивилась Настя.

– Кто ее подожжет? – безразлично пожал плечами Беспалов. – В моторе, видать, была какая-то неисправность.

– Ну, теперь Миронову не избежать беды, – покачала головой Настя.

– Никто его не тронет, – сказал Беспалов. – За него есть кому заступиться.

– Пойдем за стол, – сказала Настя. – Ты ведь позавтракать не успел.

Николай с ребяташками пили на кухне чай. На столе стояла большая чашка, полная румяных шанежек с морковкой. Ребяташки с аппетитом уплетали их за обе щеки. Увидев свояка, Николай кивнул на свободную табуретку. Беспалов сел.

– А я специально не пошел туда, – сказал Николай. – Сейчас от таких вещей надо быть подальше. Даже в свидетели попадать нельзя. Любого свидетеля в виновного переделать могут.

– А если бы они к тебе заехали? – жестко спросил Беспалов.

– И я бы оказался в таком же положении, как Миронов. У нас за человека заступиться некому. Мы в своей стране уже давно хуже чужих.

– За Миронова заступились, – сказал Беспалов.

– Кто за него заступился?

– Полдеревни, вместе со священником.

– А машину кто поджег? – спросил Николай.

– Видать, сама загорелась. Может, с электропроводкой что-то не в порядке было. Теперь уж не выяснишь.

– Да, дела, – покачал головой Николай. – Не знаешь, чего и ждать. Хачики это так не оставят. Они за сгоревший джип будут мстить с особой жестокостью.

Беспалов промолчал. На секунду подумал, что зря он так погорячился, ввязавшись в разборки местного значения. Но тут же отринул эту мысль. То, что произошло, – не разборки местного значения, а защита чести и достоинства русского человека. Ему, офицеру армии, стало обидно за державу, которую унижали на глазах всей деревни. Если бы на улице возникла обычная бытовая драка, он мог пройти мимо. В крайнем случае разнял дерущихся. А здесь высокомерно и нагло плевали в душу жителям всего села. Такое прощать нельзя. Зло, оставленное без наказания, будет плодить новое зло. И чем дальше, тем безжалостнее. Этого он вдоволь насмотрелся на Кавказе.

Он вдруг снова вспомнил Надю, которую не видел больше года, и ему нестерпимо захотелось к ней. Это желание возникло внезапно и заполнило всю душу. Он понял, что уже не справится с собой и успокоиться может лишь после того, как увидит Надю. Но одновременно с этим в душе возникла неясная тревога. Ведь неспроста она уже столько времени не отвечала ни на одно его письмо. Для такого долгого молчания должна быть очень серьезная причина.

4

Беспалов мечтательно поднял глаза к потолку и, покачнувшись на стуле, втянул ноздрями воздух. Словно Надя была так близко, что стоило потянуться, и можно было прикоснуться к ней, ощутить ее тепло. Он помнил ее всю: ее тонкие ласковые руки, ее всегда такие счастливые глаза, запах ее волос. Ее легкое дыхание, когда она по-детски несмело прикасалась губами к его щеке, трепет ее тела в своих объятиях.

Природу нельзя переделать, она все равно возьмет свое. Мужчина создан для того, чтобы любить женщину. Ни одно существо на свете не может быть для него дороже нее. Сейчас Беспалову казалось, что он никогда не любил Надю так, как в эту минуту. Ему хотелось взять ее на руки, прижать к груди и уткнуться лицом в мягкие, рассыпавшиеся волосы. Вдыхать ее аромат, чувствовать еле уловимый пульс на шее во время прикосновения к ней горячими губами и ощущать, как начинает кружиться голова от запаха женщины. Словно будоражащее вино прокатывается по всему телу. От этой картинки, возникшей в сознании, сладко трепыхнулось сердце. Он открыл глаза и, посмотрев на свояка, спросил:

– Когда идет автобус в город?

– Уже ушел. Теперь будет только завтра утром. А тебе для чего?

– Засиделся я у вас, – сказал Беспалов. – Пора искать себе какое-нибудь дело.

– Какое тебе дело, – осуждающе покачала головой Настя. – Ты еще до сих пор с палкой ходишь. Вот когда поправишься, тогда и поедешь в город.

– Прелесть ты моя, – Беспалов протянул руку и, обхватив Настю за талию, прижал к себе. – Каждого тебе хочется пожалеть, каждому помочь.

– Ты мне не каждый, – сказала Настя, осторожно высвобождаясь из его объятий. – Ты мне брат родной.

– Я и так пробыл у вас две недели. Сколько же можно еще?

– Сколько нужно, столько и пробудешь, – отрезала Настя.

– Действительно, куда тебе торопиться, – поддержал ее Николай.

– Друзей навестить надо, душа уже изболелась, – сказал Беспалов. – Повидаюсь с ними и вернусь к вам.

Утром, оставив тросточку в доме сестры, он выехал в областной центр, а к вечеру добрался до маленького городка, в котором жила Надя. Всю дорогу он думал только о ней. С трогательной нежностью вспоминал первую ночь, которую они провели вместе. Надя боялась близости с ним, хотя понимала, что когда-то это все равно должно произойти. Для нее это было впервые. Она заранее нарисовала себе картину того, что должно случиться и, как ей казалось, тщательно подготовилась. Взяла с собой халат, в который переодевалась перед тем, как принять вечерний душ, зубную щетку и даже маленькое полотенце. Едва сдерживая улыбку, Беспалов молча наблюдал за тем, как она доставала из пакета эти вещи, потом подошел к ней, обнял за плечо и поцеловал в голову. Она стыдливо подняла глаза, тут же отвернулась и ушла в ванну.

Утром она боялась посмотреть на него. Ей было стыдно за прошедшую ночь. Беспалов приготовил завтрак, заварил чай, но она молча сидела за столом, опустив голову и не притрагиваясь к еде. Он взял в руки ее ладони, поцеловал их несколько раз, потом поцеловал Надю в шею. Она подняла лицо, и он увидел в ее глазах слезы.

– Глупая ты, – сказал Беспалов. – Нет ни одной женщины, с которой бы этого не случилось. Главное, чтобы мы любили друг друга. Я тебя очень люблю. – И он снова поцеловал ей руки.

Она всхлипнула и, прижавшись к нему щекой, тихо произнесла:

– Я тебя тоже люблю.

Эта сценка часто вспоминалась ему на Кавказе. Солдаты очень тосковали по своим девушкам. В свободные минуты они доставали их фотографии, долго и молча разглядывали любимые лица, писали письма и по несколько раз перечитывали полученные в ответ. Эти весточки из дома сохраняли им жизнь потому, что сулили будущее, которое, вне всякого сомнения, казалось счастливым. Но, случалось, приходили и другие вести. Не дай бог солдату получать их. Вражеская пуля и та казалась не таким злом, как письмо, в котором сообщалось об измене любимой. Тогда солдат уходил в себя, сидел, насупившись, ни с кем не разговаривая. Беспалов не брал таких на задание, считая, что в соприкосновении с противником они не будут жалеть себя, а значит, не будут думать о других.

Надя перестала ему писать полгода назад. Он очень переживал, отправил ей несколько нервных писем, в которых обвинял ее в неблагодарности, но ответа не получил и на них. И тогда вспомнил последний разговор, который постоянно пытался выбросить из головы. Он произошел около ее дома перед самым отъездом.

Надя была очень непосредственным, романтическим существом. Ей казалось, что вокруг живут только хорошие люди. Услышав, что его посылают на Кавказ, пришла в ужас. Не потому, что его могли там убить, а потому, что он должен будет убивать других.

– Я не собираюсь никого убивать, – категорично заявил Беспалов.

– А если тебя пошлют в бой? Если заставят стрелять? – она уставилась на него своими золотистыми, как у кошки, глазами, и даже прищурилась немного, словно пыталась отгадать – действительно ли он говорит ей правду?

– Но ведь я солдат, – неуверенно пожал плечами Беспалов. – Я выбрал профессию защитника Родины, о которой, должен сказать тебе, мечтал еще в школе.

– Ты думаешь, Родине это нужно? – не отводя глаз, она все так же пронзительно смотрела на него.

– А кому же еще? – Беспалов не понимал Надиного пафоса, он никогда не видел ее такой взволнованной. Она говорила очень жестко.

– Ты посмотри, во что одеты твои солдаты. Да и офицеры тоже. Бомжи какие-то. – Она заводилась все больше, от возбуждения у нее разгорелись щеки. – Если бы Родина их любила, она одела их хотя бы по-человечески. Раньше при виде офицера у каждой девчонки загорались

глаза. А сейчас на вас смотришь и, кроме жалости, ничего не испытываешь. И ты еще говоришь о Родине.

– Значит, ты и ко мне ничего не испытываешь? – спросил Беспалов, чувствуя как внутри него все начинает закипать.

– Я как представлю, что ты можешь застрелить кого-то, а потом придешь и начнешь обнимать меня, жутко становится. – Она передернула плечами, словно освобождаясь от озноба.

– И не представляй. Я тебя обнимать не собираюсь. – Беспалов нервно повернулся и торопливо зашагал от Нади.

– Алеша! – крикнула она вслед.

Но он не обернулся. Внутри него все уже кипело. Он никогда не думал, что Надя может говорить с ним так резко, почти враждебно. «Кто же будет защищать Родину? – спрашивал он себя, ускоряя шаги. – Или она действительно уже не нужна никому?»

Он очень переживал эту размолвку. Прибыв на Кавказ, долго не писал ей, но потом, не выдержав, все же отправил письмо, в котором просил простить за излишнюю горячность, добавив при этом, что ближе нее у него нет никого в жизни. Надя ответила не сразу, но ответ был теплым и таким искренним, что Беспалов понял: она тоже раскаивается за свою неожиданную резкость. Он объяснял её поведение тем, что она боялась потерять его. Это было так понятно. Ведь телевидение только и занималось тем, что в самых ярких красках рассказывало о гибели наших солдат в Чечне...

А когда перестали приходить от нее письма, Беспалов, не находя себе места, сначала сходил с ума, а потом решил, что она вышла замуж. Ему хотелось сбежать из армии и застрелить того, кто занял его место в сердце Нади. А затем застрелить и ее. От любви до ненависти иногда бывает всего один шаг. Но уже через день ненависть сменилась тревогой. А вдруг она серьезно заболела? Вдруг попала под машину или на нее напали и тяжело ранили бандиты? В нашей жизни ведь все возможно. Он написал письмо соседке Нади по квартире, которую знал только по имени, но и от нее не получил ответа. У Нади была подруга, которая, конечно, все знала, но у Беспалова не было ее адреса.

Обо всем этом он думал, сидя у окна автобуса, который вез его в городок, где жила Надя. Беспалов нашел ее подругу Лену, жившую в том же доме и той же квартире, в которой они провели последний вечер перед его отъездом в командировку. Она и рассказала о том, что полгода назад два подонка схватили Надю почти у подъезда ее дома, затащили в кусты, изнасиловали по очереди, а потом задушили. Они сняли с ее шеи дешевую золотую цепочку с крестиком и забрали сотовый телефон. По этому телефону их и нашли. Суд дал одному из убийц шесть лет, другому семь.

Беспалов побледнел и, сжав кулаки до такой степени, что побелели суставы на пальцах, застонал сквозь стиснутые зубы. Ему подумалось, что Господь страшно не справедлив по отношению к своим чадам. На земле столько подонков, которые не заслуживают того, чтобы называться людьми, но они имеют и деньги, и власть и всю свою жизнь проводят в наслаждениях, считая всех остальных не более, чем дрожащими тварями. А те, кто старается сохранить совесть, честь, свою душу, беззащитны перед любым злом. У них ни денег, ни власти, ни даже надежды на то, что могут дожить до завтрашнего дня. «Господи, до каких же пор все это может продолжаться?» – подумал Беспалов. Он поднял наполненные влагой глаза на Лену и спросил, знает ли она фамилии убийц Нади.

– Анваров и Кравчук, – сказала Лена и добавила: – Если бы встретила их на улице, никогда не подумала, что они могут убить человека. Такие молодые и симпатичные.

Молодых и симпатичных, но бородатых, Беспалов видел и на Кавказе. Видел, как расправляются они с пленными, отрезая им головы и вспарывая животы. И какими жалкими выглядят, когда их берут в плен наши солдаты. Умоляют, чтобы быстрее отдали под суд. Суд,

если хорошо заплатить, может и освободить. А солдатская расправа за погибшего товарища не знает пощады.

– В какой колонии они сидят? – спросил Беспалов.

– Этого я не знаю, – сказала Лена.

– Я хочу сходить на могилу Нади, – сказал Беспалов. – Там, поди, и памятника нет?

– Надя не представляла без тебя своей жизни, – сказала Лена, не ответив на вопрос о памятнике, и Беспалов понял, что его там действительно нет.

– Я без нее тоже не представлял, – опустил голову, произнес Беспалов. – А почему мне никто не сообщил о том, что произошло? Ведь я послал ей столько писем.

– А кто мог сообщить? – пожала плечами Лена. – Почтальон опускал письма в почтовый ящик, соседи выбрасывали их. Сейчас такие времена. Чужое горе не трогает никого. Я бы написала, если бы знала, где ты. – Она посмотрела на него и добавила: – Оставайся у меня. На дворе скоро ночь. Куда ты поедешь? А завтра сходим на кладбище.

В ее глазах была не просьба, а мольба. Беспалов знал, что Лена дважды выходила замуж, но всякий раз ее разводила с мужьями мать. Она была властной, требовавшей от дочери не только любви, но и почти божественного почитания. Каждый день мать с утра начинала звонить ей, учила, как вести себя с мужем, при этом подчеркивала, что мужчине никогда нельзя доверяться и тем более идти у него на поводу.

– И белье свое он должен стирать сам, ты к нему даже не прикасайся, – наставляла мать. – Не для этого выходила замуж.

Странная женщина, если не сказать больше.

Оба Лениных мужа не любили тещу. Постоянно отвечали ей колкостями, грубили в ответ на замечания, а второй муж однажды даже выставил ее в самой грубой форме. Схватив за шиворот, подтащил к двери и коленкой вытолкнул на лестничную площадку. Мать зашла в истерику. Лена набросилась на мужа. Он молча собрал свои вещи в чемодан и ушел.

– Это самое лучшее, что этот хам мог сделать, – сказала мать, возвращаясь в квартиру.

С тех пор она бдительно оберегала Лену от каких-либо мужских посягательств. Даже от простых взглядов и ничего не значащих комплиментов. Лена жила мучительной жизнью одинокой, молодой и симпатичной женщины, но Беспалов ничем не мог утешить ее. Надя засломила от него всех женщин.

Выйдя на улицу, Беспалов вдруг захотел пройти мимо дома Нади, посмотреть на ее окна, но тут же понял, что на это не хватит сил. Сердце и без того разрывалось на части, а у окна, из которого она когда-то выглядывала, ожидая его, могло не выдержать. Надо было думать, что делать дальше.

С армией покончено. Смысл армейской службы заключается в готовности пожертвовать собой ради защиты свободы, чести и достоинства своей Родины. Но той Родины, которую он готов был защищать, давно нет. Ее предали и распяли в 1993 году на московской площади перед Домом Советов, который теперь на американский манер стали называть Белым домом. Он оставался в армии по инерции, надеясь на то, что когда от разрушенной страны осядет пыль и люди осознают ужас своих потерь, к ним вернется и забота о величии Родины, и об уважении ее солдата. Но этого тоже не произошло.

Сейчас он понимал, что Надя во многом была права, не отпуская его на Кавказ. Как понимал и то, что если бы она узнала хотя бы маленькую часть того, что узнал он за год войны, она бы думала об этом по-другому. Но она не могла видеть ни изуродованных гранатометами его солдат, ни других страшных жестокостей опьяненных ненавистью людей. Она не могла знать и самого высокого чувства, рожденного войной: трепетной дружбы солдат, готовых отдать собственную жизнь ради спасения товарища. На гражданке это не проявляется в такой острой форме. Теперь нет и самой Нади. «Господи, каким же наивным человеком была она, – подумал

Беспалов и тут же добавил: – Какую счастливую жизнь я мог бы прожить рядом с ней, не попади на эту проклятую войну. Ведь если бы я не поехал на Кавказ, Надя могла остаться живой».

Он остановился и обернулся, словно надеялся увидеть ее в дальнем конце улицы. Там стояла тоненькая девочка-подросток и провожала его взглядом. Этот взгляд обжег Беспалова. «Неужели и ее ждет судьба Нади? – пронзительным током пронеслось в голове. – Кто сможет защитить ее в этом чудовищном мире?»

Девочка была в коротком, вылинявшем от многих стирок платье и простеньких босоножках. Так одеваются дети из рабочих семей. Все их богатство – чистый взгляд, доверчивая душа и тонкие, стройные ноги. Как это было у Нади. Беспалов опустил голову и зашагал к автобусной остановке. Теперь он знал, куда надо идти.

5

Выйдя из автобуса на автовокзале, Беспалов тут же взял такси и попросил отвезти его в гостиницу. Областной город был для него чужим. Он оказывался в нем всегда проездом. То по пути в деревню к сестре, то возвращаясь от нее к месту службы. Беспалов чувствовал себя уставшим. Поднявшись в номер и оставив там сумку с вещами, он отправился в ресторан поужинать. Голод уже начинал мучить его, в последний раз он ел рано утром у сестры.

В ресторане горел тусклый свет, и от этого огромный зал казался сумрачным. Посетителей было мало. Лишь в дальнем углу за двумя сдвинутыми столами сидела небольшая компания и о чем-то громко говорила. Разобрать голоса было невозможно, из-за столов доносился лишь гул, да иногда громкий смех. Беспалов заказал бифштекс, салат и бутылку пива. Пиво он взял лишь для того, чтобы не выделяться из толпы посетителей. В наши рестораны никто не ходит только поесть. В них обязательно пьют.

Компанию обслуживали два официанта – высокие молодые парни, одетые в черные брюки и такие же черные жилетки. Они стояли чуть поодаль, напряженно следя за каждым движением гостей, и подсказывали, как только кто-то из них поднимал руку. Очевидно, посетители были богатыми или особо важными персонами. Беспалов скорее по привычке, чем из любопытства, пытался разглядеть их, но они сидели к нему спиной, да к тому же слишком далеко от его стола, и ему были видны только их черные головы.

Больших планов у него не было. Несколько дней назад, перебирая в сумке вещи, он наткнулся на старую записную книжку и, перелистав ее, обнаружил там фамилию Биденко. Того самого сержанта, которого почти целый день под огнем душманов тащил на себе с горы у Кандагара. Перед отправкой в госпиталь тот попросил Беспалова записать его адрес.

– Вы подарили мне жизнь, лейтенант, – сказал он. – Вдруг окажетесь в моем городе. Будете самым желанным гостем.

Тогда и узнал Беспалов, что они с Биденко земляки. Сейчас он хотел найти своего бывшего сержанта и выяснить, как тот живет.

Поужинав, он вернулся в номер, достал записную книжку и отыскал телефон Биденко. Снял телефонную трубку и несколько минут сидел неподвижно, не решаясь позвонить. Он не знал, для чего ему нужен Биденко. Но, кроме него, в этом городе у Беспалова не было ни одного знакомого. Может быть, здесь живут и другие сослуживцы и Биденко их знает? Встретить старых друзей всегда приятно, воспоминания греют душу.

Беспалов был одинок, и это одиночество уже начало тяготить его. Свое нынешнее существование он не мог назвать жизнью. Жизнь предполагает какую-то цель, лучше всего высокую. Стремление к карьере, комфорту, обладанию красивой и умной женщиной, рождение детей и радость их воспитания, круг близких друзей. Ничего этого у него не было. Карьеру военного, о которой мечтал, сделать не удалось. Он не хочет служить в армии, из лексикона которой исчезло слово Родина. Любимую девушку зверски изнасиловали и убили на пороге ее

собственного дома и поэтому говорить о детях нет никакого смысла. Многие друзья лежат в могилах, а те, что еще остались, – в армии. Правда, один из них – на расстоянии телефонного гудка. Но разве можно назвать Биденко другом? Ведь даже о том, что он земляк, Беспалов узнал лишь перед погрузкой сержанта в самолет. Правда, на войне свои, особые законы. Там человека узнают в течение одного поступка. Когда Биденко просил бросить его на склоне горы, чтобы спастись самому, а Беспалов этого не сделал, они стали больше, чем друзьями. Ближе Биденко в этом городе у Беспалова все равно никого нет. Он набрал телефонный номер.

На другом конце провода тут же ответили.

– Мне нужен сержант Биденко, – строгим командирским голосом произнес Беспалов.

В трубке наступило короткое молчание, потом послышалось сопение, наконец мужской голос выдавил:

– А кто его спрашивает?

– Капитан Беспалов.

– Лейтенант, это вы? – раздался радостный возглас. – Где вы?

– В гостинице «Центральная», номер триста двадцать один.

– Через полчаса я буду у вас.

На другом конце телефонного провода положили трубку.

Когда Биденко вошел в комнату, в первую минуту Беспалов не узнал его. Был он худой, со впалыми щеками, одет в замызганную куртку, на ногах – нечищенные, стоптанные туфли. Беспалов всегда требовал от солдат, чтобы их одежда выглядела безупречно, и вид сержанта, даже бывшего, покорило его. Биденко это понял, ужал плечи и, продвинувшись бочком, остановился у дверного косяка. От Беспалова не ускользнула неловкость сержанта, и он, сделав жест рукой, пригласил:

– Проходите, садитесь.

Он всегда был с солдатами на «вы», не отступил от этого правила и сейчас. Биденко так же, бочком, сделал несколько шагов, осторожно сел на краешек стула.

– Вы на меня так смотрите, словно не узнаете, – сказал Беспалов. – Я сильно изменился?

– Изменился я, – ответил Биденко. – А вы, товарищ лейтенант, каким были, таким и остались.

– Капитан, – поправил его Беспалов.

– Извините, товарищ капитан, – сказал Биденко.

– Как вы тогда, после ранения?

– Отправили в Ташкент, отлежался там в госпитале, после этого вернулся домой. Сейчас, как видите, в полном порядке. А вы?

– А я только из госпиталя.

– Да вы что? – удивился Биденко. – Где это вас?

– У нас стреляют в одном месте, – ответил Беспалов. – Там и зацепило.

– И здорово зацепило?

– Если живой и говорю с вами, значит, не так здорово, – попытался пошутить Беспалов. Нищенский вид Биденко очень расстроил его, и он не хотел говорить о плохом. – Лучше скажите, как вы тут живете? Как устроены?

Биденко опустил голову, положил руки на колени, пошевелил пальцами, потом поднял глаза.

– Живем так, как нам позволяют. – И снова опустил голову.

– Работаете где-нибудь?

– Работаю, – тихо ответил Биденко.

– С кем-нибудь из наших ребят поддерживаете отношения?

– Сначала поддерживал, а сейчас нет. Все изменилось, каждый выживает, как может. Никогда не думал, что придем к этому.

– К чему? – спросил Беспалов.

– К тому, что пока мы защищали Родину, ее здесь разобрали по частям и прибрали к своим рукам другие люди. Такое ощущение, что живу в оккупированной стране.

– Кто же ее оккупировал?

– Разные. По форме носа и цвету волос не определишь. И наших среди них немало.

– Но если наши, какая же это оккупация?

– А они уже не наши. Они здесь только деньги заколачивают. Семьи у всех за кордоном. Дети на чужом языке в школах учатся.

– А у вас есть семья? – спросил Беспалов.

– Была. Теперь нету. Ушла от меня жена вместе с дочкой.

– Нерадостно все это, Максим. – Беспалов специально назвал сержанта по имени, видя, что тому в эту минуту особенно необходимо сочувствие.

– Какая уж тут радость, – согласился Биденко.

– А я вот рад, что увидел вас, – улыбнулся Беспалов. – Верите, нет, когда услышал ваш голос, сердце дрогнуло. Хотя мы и общались всего ничего, но вместе прожили целую жизнь. Разве не правда?

– Для меня это было лучшее время, – Биденко поудобнее уселся на стуле, расслабленно вытянул ноги. – Вот уж где действительно один за всех и все за одного. Я только теперь понял, как много это значит в жизни.

– Кто же нам мешает сейчас жить так? – Беспалов посмотрел в глаза сержанта, словно пытался прочесть в них ответ на свой вопрос.

– Все то же и мешает, – ответил Биденко, на лице которого уже не было той подавленности, с какой он появился на пороге. – Каждый стал жить сам по себе. У некоторых это получается, у абсолютного большинства – нет. Мы уже не народ, а, как теперь выражаются, только электорат.

– Неплохо бы всем нашим собраться и поговорить о жизни, – сказал Беспалов. – Может быть, что-нибудь придумаем.

Биденко не ответил. Посмотрел на Беспалова, на свои ладони, лежащие на коленях, снова пошевелил пальцами, потом сказал:

– Не знаю, кого и позвать. Есть у меня двое афганцев, тоже из диверсантов. Они вместе с нами служили, только в другой части. Да еще один парень, совсем молодой. Месяц назад с Кавказа вернулся. Мыкается по городу, работу найти не может.

– Что за парень?

– Глебов.

– Глебов, говорите? – Беспалов даже вздрогнул, услышав эту фамилию. – А как его зовут?

– Денисом. Вы что, его знаете?

– Был у меня в группе сержант Денис Глебов. Последний раз видел, как он отстреливался, когда банда на него шла. Но что с ним стало, не знаю. Меня там ранило.

– Денис действительно сержант. Может быть, это он и есть?

– Вот что, – сказал Беспалов. – Завтра в девятнадцать ноль-ноль собираемся здесь. Не у меня в номере, а в ресторане. Ужин заказываю я. Форма одежды парадная. Галстук у вас найдется?

– Для вас, что ли?

– Мой галстук всегда при мне, – сказал Беспалов. – Я вас имею в виду.

– Я, товарищ капитан, никогда галстуки не носил.

– Завтра наденете. Всем быть при галстуках. И чтобы туфли были начищены. Так и скажи ребятам.

– Слушаюсь, товарищ капитан.

Биденко встал, Беспалов не стал удерживать его. Открыл дверь, выглянул в коридор. Там никого не было.

– Идите, – сказал Беспалов и на прощание пожал руку сержанту.

На следующий день без четверти семь Беспалов спустился в ресторан, сел к тому же столику, за которым сидел вчера, и попросил официанта принести еще один прибор. Едва официант успел разложить вилки, в зале появился Биденко и с ним еще трое прилично одетых парней. Беспалов сразу же узнал среди них Глебова. Тот двинулся к нему, раскинув руки и улыбаясь во все лицо.

– Товарищ капитан, – чуть ли не закричал Глебов, – вы не поверите, как я рад, что снова вижу вас. Я ведь думал, что вас уже нету. Честное слово. Там ведь такое было!

– Я хоть и не этот... – Беспалов не стал произносить уже почти сорвавшееся с языка слово, – но тоже вечный.

Они обнялись, Беспалов посадил Глебова слева от себя. Справа сел Биденко. Двое незнакомых ему ребят сели напротив. Глебов начал пересказывать им подробности последнего боя, в котором, как ему показалось, Беспалов был смертельно ранен. Сам Глебов вместе с подоспевшим подкреплением погнался за вайнахами в селение, а когда вернулся в свою часть, капитана уже не было. Сказали, что отправили вертушкой в госпиталь, но рана так тяжела, что вряд ли выживет.

– Как вы? – спросил Глебов, разглядывая Беспалова сияющими глазами.

– Уже в порядке. Правда, еще не совсем в полном. Тросточку только вчера оставил. Но на ногах. А это главное.

– А Илюхина убило, – горестно вздохнул Глебов. – Помните лейтенанта, которому вы хотели отдать овечку?

– Как же не помню? Конечно, помню, – ответил Беспалов, и на его лицо сразу легла тяжелая тень.

– И овечка убежала, – добавил Глебов. – Шашлыка так и не попробовал.

– Да... Илюхина жалко, хороший был парень, честный, – сказал Беспалов, опустив глаза и покачав головой. – Многих жалко... – Он поднял голову, обвел всех взглядом и уже совсем другим тоном произнес: – А шашлык мы сейчас закажем.

К столику подошел официант. Беспалов попросил его подождать и протянул ребятам меню. Но они выбирать не стали.

– Что себе закажете, то и нам, – сказал Биденко. – Мы все съедим.

Шашлыка не было. Беспалов заказал бифштекс, салат, малосольную семгу.

– Всем то же самое, – сказал он официанту. – И бутылку водки, конечно.

Официант кивнул и ушел. Беспалов повернулся к незнакомым парням, которых привел с собой Биденко. Он трудно сходилась даже с теми, с кем часто сталкивался по серьезным казенным делам. Незнакомцы же всегда вызывали у него определенную настороженность. Сейчас он хотел понять, что они собой представляют. В Афганистане или на Кавказе понять человека можно по одному поступку в критической ситуации. Там такие ситуации возникают почти каждый день. А в мирной жизни все по-другому. Солдатское братство здесь многие меняют на другие ценности. Парни были оба русоголовыми, не обиженными здоровьем и, по всему виду, приветливыми. Ни тот ни другой не проявили застенчивости, сели за стол, будто уже тысячу раз собирались этой компанией.

– Разрешите представиться, – сказал Беспалов, глядя на того, что был в светлой рубашке и модном крапчатом галстуке. – Капитан Беспалов. Командир спецподразделения в Кандагаре и Шали. Месяц назад демобилизован. На сегодняшний день безработный.

– Андрей Елагин, – ответил парень и слегка кивнул головой. – Боец спецподразделения в Герате, Баглане, в Кандагаре тоже был. На сегодняшний день безработный.

– Никита Ушаков, – отрапортовал второй. – Боец спецподразделения. Был в тех же местах, что и Андрей. На сегодняшний день безработный.

Званий своих они не называли, и это не понравилось Беспалову. «Или хитрят чего-то, или слишком умные, – подумал он. – Но, если ребят пригласил Биденко, должны быть надежными. Он кого попало, не позовет».

Официант принес выпивку и закуску. Беспалов налил водку в рюмки, поднял свою и сказал:

– Первый тост всегда пью за тех, кого нет с нами. За то, что не дожили, не долюбили и никто этого не сможет сделать за них. У каждого из нас есть, кого вспомнить, с кем бы хотелось вот так посидеть, поговорить, выпить.

Он опрокинул водку в рот, зажмурился и поставил пустую рюмку на стол. Все выпили вслед за ним. В углу зала за теми же сдвинутыми столами, что и накануне, появилась вчерашняя компания. Там снова начался шумный разговор, забежали с подносами в руках официанты. Беспалов повернулся в ту сторону.

– Скоро у них большой день, – сказал Андрей Елагин и поправил свой модный галстук.

– Что за день? – спросил Беспалов.

– Это же хозяева нашей жизни. Весь город в их руках и эта гостиница тоже.

– А что они собираются праздновать?

– Сразу два события – футбольный матч и бега на ипподроме. – Елагин бросил сердитый взгляд в угол и отвернулся. Потом поднял глаза на Беспалова и сказал: – Никогда не думал, что у нас столько азартных людей. На футболе и бегах делаются гигантские ставки. Тотализатор принадлежит им, – он кивнул в угол, откуда раздавался гул голосов. – Выигрыш составляет мизер. Остальное забирают они. Я бы многое отдал, чтобы подержать в руках их гешефт.

– А еще что им принадлежит, кроме тотализатора? – спросил Беспалов.

– Гостиницы. Рынки. Розничная торговля. Банки. И, конечно, пресса.

– Мясом торгуют тоже они? – Беспалов сразу вспомнил Миронова, у которого во дворе сжигали живую свинью.

– Конечно, они, а кто же? – сказал молчавший до этого Биденко.

– Большевиков бы на них, – сказал Глебов. – Они бы вмиг экспроприировали все, нажитое нечестно.

– А ты знаешь хоть одного нашего богатого, который что-то нажил честно? – спросил Биденко.

Между ребятами разгорался спор, но Беспалов в него не вмешивался. Он думал о том, что все, сидящие сейчас с ним за одним столом, прошли огонь и воду, не раз заглядывали смерти в глаза, защищая Родину, которую до сих пор считают своей. А те, кто шумит в полутемном углу зала, в это время прибирали к рукам все, что когда-то принадлежало народу, да и сам народ тоже. Пока одни проливали кровь, хозяевами жизни становились другие. Они сделали на этой крови свои состояния. У него была стойкая неприязнь к таким людям. А после того, как узнал о смерти Нади, она еще более усилилась. Беспалов, качнувшись, прогнал невеселые размышления и вдруг увидел, что все ребята, враз замолчав, напряженно уставились на него. Неожиданно для самого себя он спросил:

– У вас есть какое-то предложение?

– Предложение одно, товарищ капитан, – сказал Биденко. – Провести экспроприацию.

– Вам это пришло в голову только сейчас? – Беспалов в недоумении посмотрел на сержанта.

– Мы и раньше об этом думали. А когда встретили Глебова, он нам сказал: был бы с нами капитан Беспалов, он бы все это мигом организовал.

– Вы хоть понимаете, что это такое? – спросил Беспалов. – Они – власть. У них охрана, в которой служат профессионалы, прошедшие школу спецназа. Милиция, прокуратура – тоже их. А мы кто такие?

– Мы тоже профессионалы, – сказал Елагин.

Фраза эта была произнесена так просто и так естественно, что Беспалов понял: ребята уже давно готовятся к экспроприации. Непонятно было только одно – зачем он понадобился им? И Беспалов откровенно спросил:

– А я здесь при чем?

– Вы же знаете, что любую операцию разрабатывает оперативный отдел, – сказал Биденко. – В нем собираются лучшие головы. Если их нет, операция будет провалена. Нам вашей головы не хватает, товарищ капитан.

– Моя голова и мне нужна, – ответил Беспалов.

Он попросил Биденко об этой встрече для того, чтобы вместе с бывшими сослуживцами подумать о том, как легче пережить лихолетье. Может быть, организовать небольшую транспортную контору, которая могла бы перевозить грузы в соседние города. Может быть, создать частное детективное агентство. Может быть, что-то еще, что не даст пропасть с голоду. А у них уже давно вызрела совершенно другая идея.

После того как Беспалов узнал о смерти Нади, у него возникло одно желание – отомстить убийцам. Оно заслонило все остальное. Это желание не прошло и сейчас, но теперь оно сразу показалось частным. С такими ребятами можно не только отомстить, но и совершить много других дел.

– Кем вы были до армии, Биденко? – спросил Беспалов.

– Оболтусом, товарищ капитан. Два года учился в политехе, сдуру бросил. Вот и загремел в армию.

– Теперь жалеете об этом?

– О том, что прошло, жалеть поздно, – сказал Биденко. – Надо думать о том, как жить дальше.

– У меня, сержант, одно дело, которое, как заноза, сидит в сердце, – сказал Беспалов, нахмурившись. – В Катайске два подонка в прошлом году изнасиловали и убили девушку. Одному дали шесть, другому семь лет. Я думаю, что это несправедливо.

– Я что-то слышал об этом, – тут же откликнулся Елагин. – Как раз после них в тот же день судили наших. Они, по-моему, до сих пор сидят в одной колонии. Вы не помните их фамилий?

– Анваров и Кравчук. А за что судили ваших? – спросил Беспалов.

– Потребовали от некоторых господ учтивого к себе отношения, а те их не поняли. Пришлось вразумлять. Потом был суд. Прокурор оказался на редкость несправедливым, судья его поддержал. И тоже дал одному шесть, а другому семь лет. Слово справедливость, товарищ капитан, из нашего официального лексикона вычеркнуто надолго.

Беспалов понял, что друзей Елагина осудили за драку. Причем и за нее, и за двойное изнасилование с убийством дали одни и те же сроки.

– Без справедливости человеческое существование теряет смысл, – заметил Беспалов. – Как только исчезает справедливость, начинается смута. Сначала в душах людей, потом во всем государстве.

– Я свяжусь с нашими ребятами, – сказал Елагин. – Они все выяснят, и, даю вам слово, справедливость будет восстановлена.

Мгновенная сообразительность Елагина понравилась Беспалову. Тот сразу понял, что речь идет не просто о девушке, а об очень близком человеке, против которого совершено преступление. Такое нельзя прощать. Любая банда должна понять, что посягать на кого-либо из сплоченной группы людей, прошедших две войны, чрезвычайно опасно. А совершить убийство их близкого – опасно смертельно. Возмездие последует неотвратимо и незамедлительно.

Сидя за столом, Беспалов вдруг ощутил ту атмосферу понимания, дружбы и товарищества, которая окружала его только в армии, когда он находился среди своих солдат. Сейчас они смотрели на него и ждали ответа. Беспалов не мог дать его мгновенно, ему требовалось время на раздумье. Он еще раз бросил взгляд в угол зала и спросил:

– Что это за люди?

Елагин неторопливо скосил глаза и, немного помедлив, ответил:

– Тот, что сидит спиной к нам, Мусса Джабраилов. Он у них главный. Точно знаю, что прибыл с Кавказа, но откуда конкретно, не выяснял. Справа – Гриша Хавкин, председатель правления их банка. Рядом с ним – Семен Лобков, начальник службы безопасности. Между прочим, бывшая шишка в областном управлении МВД. Остальные – сошки поменьше, но у каждого своя роль. Команда сплоченная и на редкость жестокая.

Беспалову снова понравились суждения Елагина. Он давал точную характеристику каждому и реально оценивал соперника.

– Такие вещи не решаются спонтанно, – произнес Беспалов, помедлив. – Вы задали вопрос, я должен на него ответить. Мне нужно время, чтобы подумать.

– Вам надо съезжать из гостиницы, – Елагин произнес это таким тоном, словно Беспалов уже все решил. – Она принадлежит им, здесь у них все под контролем. В том числе – девки.

– Девки меня не интересуют, – сказал Беспалов.

– У меня есть один адрес, товарищ капитан, – хитровато улыбнулся Глебов. – Двухкомнатная квартира с мебелью. И совсем недорогая. Хозяева на три месяца уехали за границу. Вы с ними даже не увидите.

– А сейчас кто в ней живет? – спросил Беспалов.

– Я, – ответил Глебов. – Но вы не беспокойтесь, у меня есть еще одна квартира, даже с хозяйкой. Я безо всяких проблем могу перекантоваться в ней.

Беспалов понял, что боевая группа уже создана, задание получено, теперь все смотрят только на него. Но ответа на вопросительные взгляды товарищей по оружию у него не было.

6

Утром он переехал на квартиру, которую предложил Глебов. Она оказалась в новом доме, предназначенном совсем не для бедных. В каждом подъезде стоял домофон, на просторных лестничных площадках располагалось всего по две квартиры. Беспалова удивила чистота у дома и в подъезде. Остальной город выглядел совсем по-другому.

Закрыв за собой дверь, он обошел квартиру, заглянул в туалет и ванную и, подняв глаза на Глебова, спросил:

– Кто доверил вам это жилье?

– Добрые люди, – ответил Глебов. – Я с ними быстро схожусь. Уехали надолго, а за квартиру бояться. Вот и оставили посторожить. Я, товарищ капитан, вызываю доверие у многих людей с первого взгляда.

Беспалов невольно улыбнулся. Знали бы добрые люди о том, что задумал Глебов, может быть, и не отнеслись к нему так доверчиво. Квартира как нельзя лучше подходила для подготовки операции. Подъезд почти всегда пуст, его жильцы не будут знать о том, кто придет к Беспалову. Дверь подъезда открывается по сигналу домофона, а звонить будут только ему.

– Если вас здесь все устраивает, – сказал Глебов, – я пойду. Когда мы встретимся?

– Завтра в девятнадцать ноль-ноль. Мне надо осмотреться и в квартире, и в городе. Связь с ребятами у вас есть?

– Конечно. – Глебов козырнул и вышел.

Беспалов остался один. Он подошел к окну, чуть отодвинув штору, посмотрел во двор, но Глебова не увидел. Тот прошел вдоль стены дома и вышел в калитку. «Значит, жильцы не

видят и тех, кто приходит в дом», – невольно подумал Беспалов и еще раз отметил предусмотрительность Глебова. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь даже случайно увидел ребят, которые будут приходить к нему. Они, конечно, опытные и предпримут все меры предосторожности, но лишняя бдительность никогда не мешает.

Вещей у него почти не было. В сумке лежали две свежие рубашки, смена белья, да бритвенный прибор. Он поставил ее около дивана и сел, размышляя над тем, что делать дальше. Беспалов никогда не участвовал ни в одном ограблении. Воров и грабителей он ненавидел, считая, что с ними надо публично расправляться на месте преступления. Чтобы не было повадно другим. Теперь его самого втягивают в ограбление. Правда, ограбить предлагается не тех, кто еле-еле сводит концы с концами, а других грабителей, наживающихся на разорении страны и ее народа. Чтобы не мучила совесть, хитрые большевики в свое время придумали для таких операций даже специальный термин – «экспроприация». В переводе на простой язык – конфискация награбленного или, если хотите, восстановление справедливости.

Беспалов считал, что он хорошо знает своих бывших сослуживцев. И Биденко, и Глебов были не только честными, но и совестливыми. Заходя в кишлаки, которые приходилось занимать с оружием в руках, они никогда не брали ничего ни у чеченцев, ни у афганцев. Наоборот, делились с ними последним. Давали лекарства, оставляли галеты, тушенку и сгущенное молоко, хотя сами не всегда имели этого в достатке. «Почему же сейчас они хотят стать другими? – думал Беспалов. И сам же отвечал на свой вопрос: – Наверное, потому, что их делает такими сама жизнь. Защищая родину, они оказались выброшенными на улицу. Сегодня они никому не нужны. Они хотят справедливости».

Но становиться грабителем ему все равно не хотелось. Даже во имя справедливости. Не исключено, что такие сомнения мучили и самих ребят. Не зря же окончательное решение они оставили за ним.

Беспалову хотелось своими глазами посмотреть на городскую жизнь и, может быть, увидеть тех, кто управляет этой жизнью. Побывать на ипподроме и стадионе, зайти в банк, постараться заглянуть в его двор, обойти соседние улицы и переулки. Как говорят военные, сделать рекогносцировку. Но начать обход он решил с местного рынка, с торговли мясом. Случай в деревне не давал ему покоя.

Главный рынок находился в старой части города, состоявшей из деревянных одно – и двухэтажных домов, построенных еще в конце XIX и начале XX века. Их окружали высокие, посеревшие от времени деревянные заборы, за которыми находились ветхие дворовые постройки и отхожие места. В ежедневном быте горожан здесь ничего не изменилось за последние полтора века. Это резко контрастировало с тем, что Беспалов видел на Северном Кавказе. Там горцы жили в основном в добротных двухэтажных каменных особняках.

Рынок делился на две части. Главной из них было капитальное двухэтажное здание с высокими наружными ступенями, в котором торговали мясом. И окружавшие его со всех сторон палатки и лотки уличных торговцев. Совсем как на восточных базарах.

Беспалов появился здесь слишком рано, торговцы в палатках только раскладывали свой товар. Его в огромных ящиках на специальных тележках подвозили местные кули. Фигура одного из них показалась ему до боли знакомой.

– Максим! – не удержавшись, окликнул Беспалов.

Базарный грузчик оглянулся, и Беспалов, увидев его лицо, вздрогнул. Это был Биденко. Оба не ожидали встретиться именно здесь.

– Вы что тут делаете? – спросил Беспалов, хотя и без вопросов было ясно, чем занимается боевой сержант бывшей Советской армии.

– Вот этим и занимаюсь, – сказал Биденко, явно смутившись. – Другой работы в нашем городе я так и не нашел. Да ее и нету.

Беспалов вспомнил, как под огнем душманов тащил на себе сержанта с горы, как шелкали пули, ударяясь о камни, и Биденко просил бросить его и спастись самому. Гимнастерка на спине Беспалова взмокла от крови, сочившейся из раны Биденко, и прилипла к коже, словно лейкопластырь. Кожа в этом месте нестерпимо чесалась, ему хотелось сбросить гимнастерку и досуха вытереть чесавшееся место, но он бежал, думая только о том, как бы не упасть и добраться до скалы. А, укрывшись за скалой и сделав Биденко противошоковый укол, он забыл и о гимнастерке, и о своей коже. Биденко был без единой кровинки в лице, его сухие почерневшие губы не шевелились, и Беспалову показалось, что сержант умер. Ему захотелось закричать от бессилия, но в это время Биденко открыл глаза и, с трудом разлепив губы, шепотом спросил:

– Где мы?..

Неужели сержанту нужно было пройти сквозь этот ад только для того, чтобы потом работать на базаре грузчиком? И вдруг он увидел, как из-за палаток вышел и направился вдоль торгового ряда упитанный, лоснящийся парень в черных, ниспадающих на лакированные туфли брюках. Его сопровождали два высоченных амбала. Биденко, тоже увидев его, съехался и, толкнув тележку, сказал:

– Извините, но мне пора.

– Кто это? – спросил Беспалов, хотя с первого взгляда узнал упитанного.

– Вахтанг Гусейнов, хозяин рынка, – ответил Биденко. – Вы что, его знаете?

– Видел однажды, – сказал Беспалов. – Он с друзьями приезжал в деревню, где живет моя сестра.

– Лучше бы его не видеть, – произнес Биденко.

– А у меня такое предчувствие, что я ним еще встречу, – сказал Беспалов. – Чего он здесь ходит?

– Очевидно, кто-то не поделился с ним выручкой.

– Все товары принадлежат ему? – спросил Беспалов.

– Товары принадлежат челнокам. Он их крышует и берет за это деньги.

– А его кто крышует?

– Милиция.

– Теперь все понятно, – сказал Беспалов. – Занимайтесь своими делами. Я пришел сюда посмотреть на местную жизнь. Надо же знать, чем живет народ. За войну совсем отвык от этого.

Биденко, развернув тележку, торопливо покатил ее дальше, а Беспалов осторожно направился за Гусейновым. Торговцы и грузчики подобострастно расступались перед ним, освобождая дорогу. В их безропотной услужливости было что-то рабское, невольно задевающее душу. В советских букварях первой фразой, которую учились писать дети, было: «Мы не рабы, рабы не мы». А здесь вдруг все сразу, забыв, кем были еще совсем недавно, потеряли человеческое достоинство. Причиной всему, конечно, страх. Неужели они боятся телохранителей Гусейнова, кстати сказать, наверняка русских парней, может быть, даже тоже побывавших в Афганистане и на Кавказе? Но, скорее всего, страшны были не телохранители, а само положение торговцев. Выгони их с рынка, – и им останется просить милостыню или помирать с голода. Никакой другой работы в городе нет.

Гусейнов шел, высоко подняв голову, а встречавшиеся ему на пути торговцы кланялись и сгибали спины. Словно подставляли их под шелкающий над ними кнут. Большинство из них он не удостоивал даже взглядом, в сторону некоторых бросал короткие реплики. Они вздрагивали, как от удара, и покорно кивали головой.

Спесь, которую открыто выказывал Гусейнов, была высокомерной, но она не задевала Беспалова. Он хорошо понимал, что Гусейнов не такая уж большая сошка в иерархии местных олигархов. Те, у кого больше денег, не ходят по базарам и не выколачивают мелкие неуплаченные долги. Не ездят по деревням за мясом. Они сидят в офисах или роскошных вилах и управляют созданной ими империей по спутниковой связи. К тому же Беспалов видел Гусей-

нова в другой ситуации. Он до сих пор помнил его испуганное лицо, когда толпа сельчан во главе с батюшкой подошла к дому Миронова, чтобы защитить того от бандитов. Те, кто держит других в страхе, сам хорошо знает, что такое страх. В этом Беспалов убедился еще на Кавказе.

Гусейнов вдруг остановился и посмотрел в сторону Беспалова. Что-то насторожило его в фигуре бывшего капитана. Может быть, он узнал в нем того самого человека с тросточкой в руках, который стоял около дома Миронова, когда на деревенской улице догорал его джип? Но теперь Беспалов был и в другой одежде, и без тросточки, его можно было перепутать с кем угодно. Беспалов спокойно посмотрел на Гусейнова, прошел мимо него и направился к высокой лестнице, ведущей в мясные ряды базара. Гусейнов долго смотрел ему вслед, Беспалов чувствовал это затылком и теперь уже отчетливо понимал: сторевший джип он никогда не простит никому.

Мясные прилавки были завалены свежим мясом на любой вкус. Предлагались и вырезка, и свиная отбивная, и ромштекс. Торговали женщины, по виду все, как одна, русские. Беспалов спросил у некоторых из них, откуда мясо, но ни одна не могла назвать ни район, ни деревню. Они торговали чужим товаром, тем, который поставлял на рынок Гусейнов. Здесь он стоил в два-три раза дороже, чем в деревне. Крестьян нещадно обдирали, и они молча терпели это, потому что у них не было выбора. Рынок принадлежал Гусейнову, и мясо можно было продать только здесь. Лишь сейчас Беспалову стало понятно, почему с такой безнадегой говорил о своей жизни его свояк. А русских женщин нанимают торговками для того, чтобы простолюдин не понял, кому принадлежат рынки. Покупал мясо и думал, что берет его у своего собрата крестьянина.

Беспалов вышел из павильона и по широкой лестнице спустился вниз. На ипподром и стадион идти расхотелось, да там бы он все равно не увидел ничего. Он оглянулся и уткнулся взглядом в рекламный щит, на котором большими буквами было написано название банка «Доверие». Граждан города призывали хранить деньги только в нем. Беспалов прочитал название улицы, на которой находился банк, и направился туда. Это было всего в двух остановках автобуса.

Банк располагался в новом, специально построенном для этого здании. Увидев его, Беспалов сразу понял, что проникнуть в него будет чрезвычайно трудно. Здесь все наверняка оборудовано по последнему слову техники. И сигнализация, и система охраны, и, конечно, хранилище, где лежат и куда привозят деньги. Они поступают сюда непрерывным ручьем, стекаясь из касс магазинов, рынков, вкладов фирм, принадлежащих Джабраилову. Беспалов почему-то подумал, что с физическими лицами такой банк работать не должен. Слишком уж это хлопотно, да и навар от физических лиц мизерный. Большинство российских граждан по старинке доверяет «Сбербанку». Туда и несут свои денежки перешедшие от социализма к капитализму граждане, откладывая их кто на похороны, кто на черный день.

Беспалов решил понаблюдать за банком с противоположной стороны улицы. Ему не хотелось попадать в камеру видеонаблюдения, которая автоматически записывает всех людей, проходящих мимо здания. Но, к своему удивлению, никаких камер ни на стенах здания, ни у въезда во двор он не увидел. Двор банка, примыкавший к его торцевой части, был невелик, въезд в него закрывал автоматический шлагбаум, рядом с которым находилась будка охранника. Сквозь ее стекла можно было разглядеть его темную фигуру. Единственная камера наблюдения была установлена над высокими ступенями у парадного входа в банк.

Пройдя квартал, Беспалов перешел на другую сторону улицы и повернул обратно. Двор банка был маленьким, почти квадратным, огороженным высокой бетонной стеной. В нем у самой стены стояла золотистая «ниссан-мурано», принадлежащая, по всей видимости, главе банка Хавкину. Из двора в здание вела всего одна дверь. Все это отложилось в памяти Беспалова автоматически, он привык отмечать и запоминать мельчайшие детали во время разведы-

вательных и диверсионных операций, которые ему много раз приходилось выполнять со своей группой во время службы в армии.

На стене над крыльцом банка висело большое табло с обозначением курса иностранных валют. Не было бы его, Беспалов прошел бы мимо. Но, увидев табло, он уверенно поднялся по ступенькам и открыл массивную дверь. За порогом находилась небольшая конторка, в которой сидел охранник. Молча пройдя мимо него, Беспалов оказался в довольно просторном вестибюле, где располагались две кассы. Кассиры сидели за толстой пуленепробиваемой стеклянной стеной. Напротив них висело такое же табло, что и снаружи, только меньших размеров. Беспалов остановился около него, делая вид, что изучает курсы валют. Краем глаза он видел, что охранник внимательно следит за ним.

В это время в банк вошли две женщины и мужчина. Не останавливаясь, они прошли к кассе и, достав деньги, начали пересчитывать их. Им надо было обменять рубли на доллары. Внимание охранника сразу переключилось на них. Беспалов огляделся. В торцевой стене вестибюля находилась дверь с цифровым замком. Она вела в служебные помещения банка. И опять он отметил про себя, что нигде не было установлено ни одной камеры видеонаблюдения.

Пока посетители обменивали рубли на валюту, в банк вошла еще одна женщина. Кивнув охраннику, она уверенно прошла через вестибюль, набрала код замка и, открыв дверь, скрылась в служебном помещении. Это была сотрудница банка. Охранник, провожая ее взглядом, ждал, пока за ней закроется дверь. Беспалов неслышно, как тень, вышел на улицу. Когда охранник повернулся, в вестибюле остались лишь трое посетителей, пришедших сюда за долларами.

На ипподром и стадион Беспалов не пошел, резонно решив, что ничего сверхъестественного там не увидит. Банк же, как и положено, походил на маленькую крепость. Из головы не выходило только одно – почему там нет видеонаблюдения. Но, подумав, Беспалов решил, что в этом нет никакой загадки. В руках у Джабраилова весь город, в том числе и преступный мир. Ему и во сне не приснится, что кто-то может решиться на ограбления его банка. Любому, задумавшему это, грозит неминуемая смерть.

О смерти Беспалов не думал, она заглядывала ему в глаза уже не один раз. Его мысли до сих пор занимало другое: так ли уж необходимо это ограбление? Ведь совершив его, он станет преступником. Но в памяти тут же всплыла фамилия одного из убийц Нади. То, что он был кавказцем, не вызывало сомнений. Надо было выяснить, имеет ли он какое-нибудь отношение к Джабраилу? Скорее всего, нет. Потому, что если бы имел, Джабраил со своими деньгами не дал бы ему сесть в тюрьму. Даже если бы милиция арестовала этого Анварова на месте преступления, дело до суда все равно не дошло. Убийцу и насильника освободили бы «за недоказанностью состава преступления». Но выяснить связь между Анваровым и Джабраиловым было надо...

На следующий день в семь вечера вся группа собралась на квартире. Приходили по одному. Первым появился Глебов. Он был в хорошей тонкой рубашке, светлых брюках, от него приятно пахло одеколоном. Пожимая ему руку, Беспалов сказал:

– Вырядились, как на свидание.

– У меня каждая встреча с вами, как свидание, – хитро улыбаясь, ответил Глебов. – К тому же в этом доме бывают только уважаемые люди. Вырядишься по-другому, сразу обратят внимание.

За Глебовым пришел Елагин. Вещи на нем были добротные, но вот во что он был одет, Беспалов не вспомнил бы и через пять минут. Елагин обладал удивительной способностью быть незаметным. Переступив порог, он по-военному козырнул, коротко бросив:

– Здравия желаю.

Потом оглянулся и прошел к дивану. Его друг Никита Ушаков появился несколько минут спустя.

Последним пришел Биденко. Его лицо казалось бледным, он выглядел усталым. Биденко долго снимал у порога стоптанные туфли, потом взял их в руки и покрутил головой, не зная, куда поставить. Наконец, сунул их к стене у порога и прошел в комнату.

– Побывали в городе? – спросил Елагин, поудобнее усаживаясь на диване.

Он вел себя непринужденно, как со старым знакомым, и это не понравилось Беспалову. Но высказывать своего недовольства он не стал. Вместо этого попросил Глебова:

– Помогите мне.

Они прошли на кухню, где уже шумел электрический чайник. Еще днем Беспалов сходил в магазин, купил пакетик натурального молотого кофе, цейлонский чай и упаковку маленьких, хрустящих сухешек. Глебов расставил на журнальном столике у дивана чашки, Беспалов принес кипяток и заварку.

– Как в самом респектабельном офисе, – сказал Биденко, протягивая руку к чайной чашке.

– У нас все должно быть, как у белых людей, – ответил Глебов. Он явно восхищался продуманным гостеприимством капитана.

Беспалов приготовил себе кофе. Отпил маленький глоток, поставил чашку на стол и, подняв глаза на Елагина, спросил:

– Кто такой Джабраилов? Как он здесь появился?

Беспалов знал приблизительный ответ на этот вопрос, но хотел услышать его от других.

– О его прошлом почти ничего не известно, – подвинув к себе чайную чашку, – сказал Елагин. – Знаем только, что приехал с Кавказа и возглавил здесь всю кавказскую диаспору. Она была связана с местной мафией, владевшей городской собственностью и крупнейшими предприятиями. Уже через год все это перешло к Джабраилову. Заводы он продал, людей уволил...

– Они были нерентабельными? – спросил Беспалов.

– Я бы не сказал. – Елагин положил в чашку с кофе кусочек сахара, размешал и отпил глоток. Отставил чашку и произнес: – Кофе у вас великолепный.

– Спасибо, – сказал Беспалов. – Так что с предприятиями?

– Дело не в их нерентабельности. Все они приносили какую-то прибыль. Главная их проблема – люди. Им нужно каждый месяц платить зарплату, оплачивать больничные, помогать устраивать детей в детские сады и пионерские лагеря. В общем, одна головная боль. Поэтому он и закрыл заводы, а оборудование распродал. И на эти деньги купил банк «Доверие». Вы уже видели его?

– А скольких людей он лишил работы?

– Тысяч тридцать, не менее. Это только основного промышленного персонала. В общей же сложности наберется не менее пятидесяти тысяч.

– И никто из них не вышел на улицу, не протестовал? – спросил Беспалов.

– Некоторые выходили, но толку никакого. Вся городская власть в руках у Джабраилова. Кстати, – Елагин посмотрел на Беспалова. – Я навел справки о тех подонках, которые изнасиловали и убили девушку. Они сидят в колонии недалеко отсюда. В этой колонии у нас есть свои люди. Что делать с подонками?

– Восстановить справедливость на основе божьего суда, – сухо и бесстрастно произнес Беспалов.

Елагин кивнул, снова отпил глоток кофе и сказал:

– Один из них имеет отношение к Джабраилову.

Беспалов вздрогнул, и Елагин увидел, как потемнело и напряглось его лицо. Некоторое время он молчал, потом спросил:

– Это создает какие-то проблемы?

– Неразрешимых проблем не существует, товарищ капитан. – Елагин чуть заметно улыбнулся.

– Вы имеете в виду банк «Доверие» или тех, кто сидит в колонии?

– И то и другое.

До этой минуты в душе Беспалова постоянно возникали сомнения по поводу захвата банка. Перейти черту, за которой честный человек становится преступником, все равно, что перейти в другой мир. Этому всеми силами противилась совесть, все еще сидевшая в самом укромном уголке сердца. Он считал, что никакие обстоятельства не должны толкать человека на преступление. В то же время справедливо полагал, что всякое зло должно быть наказано. Такие как Джабраилов не имеют права устанавливать законы, по которым должны жить другие люди. Большевики не зря придумали слово экспроприация. Оно снимает с души человека тяжелый груз. Экспроприация – совсем не то, что ограбление. Это восстановление справедливости по отношению к тому, кого ограбили. Не зря, очевидно, говорят, что вначале было слово. Беспалов посмотрел на Елагина, потом перевел взгляд на Биденко и сказал:

– Я сегодня был на окраине города. Там лес, хорошее место для занятий спортом. Завтра в шесть утра всем быть там. Я вижу, многие из вас потеряли форму. Я тоже очень далек от нее. Отговорки не принимаются. Это приказ.

Биденко состроил тоскливую физиономию и жалостливо посмотрел на капитана.

– Я сказал все, – отрезал Беспалов.

– Слушаюсь, – ответил Биденко и поднялся с дивана.

– Всем быть в спортивных костюмах.

Биденко, уже шагнувший к двери, остановился. Подождав пока все выйдут из квартиры, он сказал:

– У меня нет спортивного костюма, товарищ капитан. – И, опустив голову, добавил: – И денег на него тоже нет.

Беспалов достал из кармана портмоне, вытащил три тысячи рублей и протянул Биденко:

– Возьмите. Когда разбогатеете, вернете.

Биденко зажал деньги в ладони и, не сказав ни слова, вышел.

7

Мусса Джабраилов приехал в этот день в офис раньше обычного. Ночью он плохо спал. Вечером играл в преферанс с мэром и его двумя московскими гостями. Для таких целей на окраине города в красивом лесном массиве была построена специальная вилла. Построить ее предложил мэр, но все строительство оплачивал Джабраилов. На нижнем этаже виллы находились просторная столовая, комната для совещаний и переговоров и огромная гостиная с роскошным камином и роялем в углу. На верхнем – располагались комнаты для гостей. Каждая была оборудована ванной и туалетом. Кроме встреч, о которых никто не должен знать, на вилле иногда проходили вечеринки. Отмечались дни рождения влиятельных в городе людей, некоторые праздники, устраиваемые для них же.

Джабраилов недолюбливал москвичей по той простой причине, что те стремились все прибрать к своим рукам. Связь, крупные торговые сети, банки, держащиеся на плаву редкие, еще оставшиеся в живых предприятия, уже давно принадлежали им. Гости мэра представляли крупную страховую компанию, и Джабраилов сразу понял, что приехали они за тем, чтобы взять под контроль городской страховой бизнес. Не понял только одного: зачем им потребовался именно он.

Стол для преферанса был сделан таким образом, чтобы на нем можно было не только раскладывать карты, но и ставить тарелки. За каждым преферансистом ухаживала девушка. Она должна была следить за тем, чтобы бокал гостя всегда был полон, а с тарелки не исчезала закуска. Девушка провожала гостя и до дверей спальни и, если он желал, оставалась с ним

на ночь. Девушки тщательно отбирались, их проверкой занимался лично начальник службы безопасности Джабраилова Семен Лобков.

Из всех спиртных напитков Джабраилов больше всего не любил коньяк. Он ложился на желудок тяжелым грузом, утром после него болела голова. Самым лучшим крепким напитком Мусса считал английский джин. Мэр знал это, но сегодня на столе джина не оказалось. А поскольку гости пили коньяк, накачиваться им пришлось и Джабраилову.

Играли до глубокой ночи. За это время была выпита не одна бутылка коньяка, рассказаны десятки новых и старых анекдотов, но главный разговор, ради которого позвали на виллу Муссу, так и не начинался. Наконец один из гостей, положив карты на стол и подняв глаза на Джабраилова, спросил:

– У вас какие отношения с налоговой инспекцией?

– У меня со всеми нормальные отношения, – сказал Джабраилов. – А почему вы спрашиваете?

– Анекдот вспомнил. Приходит в одну respectable контору налоговый инспектор, а там сидит заплесневелый старичок за большим столом у телефонного аппарата и мирно дремлет. Инспектор спрашивает:

– Чем занимается ваша контора?

– Разным, – отвечает старичок, подняв голову. – Заказывает киллера на дом. Организует похороны по высшему разряду.

– Ну, вот видите, говорит инспектор. А кассового аппарата в вашей конторе нет. Давно у вас ревизоры были?

– Да недели две назад, царство им небесное, – перекрестившись, отвечает старичок.

Джабраилов насторожился, поняв, что это и есть начало разговора, ради которого его пригласили сюда. Москвич поднял рюмку, поднес ее к губам, понюхал коньяк, но пить не стал. Поставил рюмку на стол и спросил:

– Вы хорошо знакомы с хозяином здешней страховой компании?

– В друзьях он у меня не был, но и отношения никогда не портились, – ответил Джабраилов.

– А вот у Владимира Савельевича испортились, – москвич кивнул в сторону мэра.

– Что-то случилось? – Джабраилов посмотрел на городского голову.

– Зарвался наш страховщик, – сказал мэр. – Ему надо идти под крыло московской компании, а он не хочет.

– А чем я могу помочь? – осторожно спросил Джабраилов.

– Предложить ему продать свой бизнес тебе. А ты его потом передашь нашим московским друзьям.

– Но он же откажется, – сказал Джабраилов.

– А ты сделай такое предложение, от которого не сможет отказаться.

Джабраилов понял, что попал в трудную ситуацию. Если об этом просит мэр, значит, надо сделать так, как он говорит. Владимир Савельевич был жестким человеком, каждое его слово старались расслышать, даже если он говорил шепотом. Те, кто не хотел слышать, тут же разорялись, отправлялись в тюрьму, а то и на кладбище. Но сейчас он не мог надавить на страховую компанию. Через два месяца состоятся перевыборы мэра. И если он вмешается в дела страховщиков, это может серьезно осложнить его шансы на победу. Поэтому он и поручает уладить дело со страховой компанией Джабраилову. Мусса Алиевич посмотрел на мэра, перевел взгляд на москвича и спросил:

– Когда это надо сделать?

– Завтра, – сказал москвич. – В конце недели мне надо быть дома. У меня там неотложные дела. Могу, конечно, оставить Виталия Борисовича, – москвич кивнул на своего товарища. – Он занимается у меня всеми юридическими делами. Но это нежелательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.